

Алекс По

Жёртава
звёздочка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Ро

Желтая звездочка

«Автор»

2024

Ро А.

Желтая звездочка / А. Ро — «Автор», 2024

У каждого человека есть свои истории, которые оставили след на его жизни. Зера́х Ривман, еврей и бывший узник лагеря смерти, ведёт уединённое существование спустя много лет после тех событий, пока не встречает молодую девушку, которая становится для него неожиданным близким другом. Вирджиния Рид — импульсивная и непростая личность, которую трудно выносить. Ощущая одиночество и непонимание со стороны матери, она находит утешение в общении с человеком, который разделяет её переживания. Среди них есть также мечтательница, стремящаяся стать актрисой, и мужчина, ставший жертвой политических игр, но ещё сохраняющий в себе остатки человечности. Их жизни переплетаются в записях, рассказывающих как о самых ужасных страницах истории, так и о личных трагедиях и связях между людьми. Но над ними сгущаются мрачные тучи, и они становятся марионетками в игре могущественного и древнего демона. Наступает время, когда в их душах зажгутся желтые звездочки, указывающие путь даже в самый темный час...

© Ро А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Желтая звездочка

Предисловие

*«Не смотря ни на что, я все ещё верю, что люди добры глубоко
внутри»*

Анна Франк

Эта книга не стремится оскорбить чувства верующих. Она не является чисто документальной работой, скорее, относится к жанру художественной литературы. Многие аспекты сюжета, возможно, были изменены или адаптированы ради интереса повествования. Все персонажи являются вымышленными, и имена многих исторических деятелей не будут упомянуты преднамеренно.

Работа сосредоточена вокруг довольно щепетильной темы. Могут быть описаны подробно эпизоды довольно жестокого характера.

Вдохновлено такими произведениями как «Дневник Анны Франк», «Ковчег Шиндлера», и ряда документальных и художественных военных фильмов.

Я посвящаю это тем невинным людям, что погибают из-за войны и других жестоких людей. Тем, кого принижают или ненавидят за то, что ты просто другой.

Я посвящаю это настоящим людям.

И пусть в ваших душах горит маленькая жёлтая звёздочка, что всегда укажет вам путь, даже в самый тёмный час.

Пролог

Март 1977

— И так, сегодня все закончится... А напомниме, во сколько выдвигаемся?

— К полуночи, Вирджиния. К полуночи.

— Я кажется ноготь сломала...

— А я что-то засомневался. У меня желудок сводит...

— Да не переживай, чувак! Загоним мы этого урода в Ад по самые-..

— Практически все готово. Карты больше говорят об успехе операции, нежели о её провале. Так что да, сильно переживать не стоит.

— Да проще простого! Просто настигнуть этого очкастого урода, и отправить его к его создателям!

— Не стоит недооценивать демона. Он очень хитёр...

— Да мы справимся, ещё когда даже солнце не успеет встать! Мы же хорошо подготовились, что может пойти не так?

В нос ударил зловонный запах отходов, заставляя Вирджинию прийти в себя. Писк в голове вдруг утих, позволяя ей мыслить более ясно. Оглядываясь, она обнаружила лишь бетонные стены, затянутые плакатами, и горы мусора, откуда и исходил этот неприятный аромат. Постепенно она пришла в себя, замечая своих друзей, словно погруженных в транс. Чтобы разбудить их, ей пришлось приложить немало усилий, включая обливание одной из них ведром с помоями. Они приходили в себя по одному.

— Фу, что это за мерзость?! — воскликнула Холли, замечая на себе старомодное кремовое пальто и ярко коричневое платье. — Я будто вылезла из черно-белого кино...

— Это что, шутка? — недоуменно смотрел на себя Дэйв в белой рубашке и сером пиджаке. — Мы в каком-то спектакле?

— А мне, если честно, даже идёт, — с ухмылкой заявил Джек, потянув за подтяжки, пока голову украшала гетсби.

— Да тебе-то всё смешно! — фыркнула Холли.

— Эм... Ребята?

Вирджиния решила первой выглянуть из переулка, за ней следовали другие, замерев в шоке. Это определённно уже не их город: на зданиях развевались флаги с нацистской символикой, а стены были изукрашены пропагандистскими плакатами.

— Твою мать...

Глава 1

Сентябрь 1976

Она снова опаздывала.

Велосипед стремительно мчался по раскалённому солнечным светом шоссе, где девушка, не снижая скорости, завершала свой завтрак — сэндвич с нежным сыром и ломтиком салями. Периодически она отвлекала одну руку от руля, но, несмотря на это, продолжала жадно наслаждаться угощением, которое таяло во рту. В этом штате учебный год стартует в начале августа, когда жара все ещё господствует. Поэтому наступление осени ожидалось всеми с нетерпением и трепетом.

Пятнадцатилетняя девушка спешила на занятие, а её мать вновь пренебрегла завтраком, будто забыв о том, что у неё есть дочь, погруженная в свои собственные дела. Однако даже в отсутствие материнской заботы она расцвела в прекрасную юную даму с каштановыми короткими, практически под мальчика, волосами и глазами, сверкающими, словно изумруды. Её фигура была элегантно подчёркнута тёплым чёрным платьем с высоким воротом. На ногах мило сверкали белые гетры в комбинации с тёмными кроссовками, придавая образу игривую нотку.

Америка 70-ых годов была эпохой бурных изменений и контрастов. Это время, когда свобода и протест против устаревших норм взяли верх. Студенческие выступления, движения за гражданские права и феминизм стали символами этой разрывающей эпохи. Великие идеалы, возведённые на пьедестал, порой сталкивались с суровой реальностью, демонстрируя хрупкость американской мечты.

Музыка стала голосом поколения: от рок-н-ролла до диско, от протестных песен до мелодий, пропитанных духом свободы. Группы, такие как The Doors и Creedence Clearwater Revival, формировали общественное сознание, в то время как диско-тренды приносили новую культуру танца и вечерних клубов. Кино также отражало дух времени — фильмы, такие как "Ванильное небо" и "Крестный отец", ставили под сомнение моральные нормы и открывали новые горизонты в искусстве.

Экономические потрясения, нефтяной кризис и социальные изменения создавали атмосферу неопределённости. Однако в этом хаосе расцветали идеи о социальной справедливости и равенстве. Америка 70-ых стала лабораторией перемен, где мечты и реальность переплетались в одиночной хореографической симфонии.

Добравшись до школы, девушка вбежала внутрь с сумкой на плече, и понеслась было в свой класс, когда её затормозили.

— Вирджиния Рид!

Она умудрилась попасться мистеру Уильямсу, учителю истории, которому и так задолжала доклад по Римской империи. Обернувшись с сэндвичем во рту, она подошла к усатому мужчине за пятьдесят и круглыми маленькими очками на носу, и в красном жилете поверх жёлтой рубашки. Голова немного вытянута. Он устало выдохнул.

— Ты снова опоздала.

— Простите, мистер Уильямс, — начала оправдываться, бубня сквозь бутерброд в зубах, та. — Переводила бабушку через дорогу, и совершенно забыла о времени, и-..

— Шестое опоздание за месяц. По-хорошему надо написать на тебя докладную, но, — учитель ненадолго задумался. — Завтра у нас памятная дата с окончания Второй мировой войны. Твоя задача – написать доклад на данную тему.

— А про что конкретно то?

— В этом разделе можешь выбрать что захочешь, моя дорогая! Битва за Францию, «Странная война», узники концлагерей. Полная свобода действий. У тебя хорошая фантазия, потому у тебя получится. Завтра жду.

— Угу.

— На сегодня можешь быть свободна, дабы у тебя было больше времени.

— Угу.

— Приятного аппетита.

— Угу.

При развороте, она первым делом решила проведать своих друзей.

В актовом зале собрались все участники драматического кружка. Все пять человек. Холли Паркер, гламурная блондинка, чьи волосы были такого же естественного цвета как человек, съевший отравленную поганку; Джек Янг, кореец с американскими корнями, что не терял попыток приворожить крашенную блондинку в их компании; Ирма Кеннет, ярая представительница движения хиппи, чьи русые волосы едва доходили до плеч, зато, юбки всегда светлых тонов, доходили до щиколоток; Дэйв Мэйсон, загорелый блондин, с яркими зелёными глазами, бывший член футбольной команды, и просто милейший человек в этом клубке змей.

Ну и сама Вирджиния, как их лидер.

— Представляете, он дал мне задание, которое и за два дня так просто не сделаешь!

Возмущалась теперь она.

— Будь терпеливее, Вирдж. Он хочет как лучше тебе самой, — спокойно говорила Ирма, сидя на краю сцены.

— Да, спасибо за поддержку, подруга, — саркастично отозвалась Вирдж.

— Не забывай, что ты и так достаточно пропустила, — протянула Холли с ухмылкой на лице. — Даже я столько не пропускаю.

— Вы все решили закидать мой огород камнями? — недовольству твой не было предела, потом посмотрев на двух оставшихся парней.

— Воздержимся, — смиренно поднял ладонь Джек.

— А что насчёт постановки на октябрь? Какой сюжет то будем брать?

— Аргх, черт... Мне сейчас точно не до этого, Дэйв. Мне нужно идти выбирать тему для доклада. И того, кто, возможно, его за меня напишет.

— Это так сложно, что ли? — поднял бровь Дэйв. — Я слышал, что у нас в библиотеке есть книга о Второй мировой, она довольно интересная. Может, посмотреть там?

Вирджиния с сомнением покачала головой.

— Не знаю, честно говоря, мне нужно что-то более актуальное. Какой-то неожиданный поворот сюжета, чтобы привлечь внимание.

— А что если мы сами напишем сценарий? — предложила Ирма, её голос был полон вдохновения. — Мы можем взять что-то из реальной жизни и добавить немного драмы!

Холли закатила глаза.

— И кто, по-твоему, это будет писать? У нас же даже идеи нет! А Вирдж трусит за свой доклад.

— Ребят, давайте хотя бы завтра над этим подумаем. Ибо если меня вышвырнут отсюда, то точно никакого спектакля не будет!

Вирджиния покинула компанию, не нарочно хлопнула дверью. А Джек, пока, с ухмылкой, подполз поближе к Холли, что не утаилось от её взгляда.

— Даже не думай.

***

Проклинаая все на своём пути и пиная мусорные баки и голубей, Вирджиния пребывала в очень плохом настроении, от чего страдало в первую очередь окружение, а потом уже и сама Вирдж. Ее основные проблемы – слишком много прогулов, проблемы с сдерживанием сильных

эмоций и равнодушные родители. От такой жизни проще пойти в содержанки и особо не переживать. Но нет, капля гордости ещё присутствует и не позволяет лечь под богатого старика не по любви. Она обязана быть сильной и независимой хотя бы ради себя.

Бродя по парку, где гуляли люди целыми компаниями, Вирдж пыталась успокоить свои эмоции, вспоминая, как её мать просто не обращала внимания на её звонки ранним утром. Полная гнева, она начала энергично размахивать своей сумкой, и в какой-то момент ремень не выдержал, лопнув на две части. Сумка вылетела вперёд на несколько метров и ударила одного из прохожих по голове. Весь её содержимое рассыпалось по земле. Только после этого Вирдж удалось немного взять себя в руки.

Черт.

Выругавшись, она, пока пострадавший от столкновения сумки с головой, приходил в себя, потирая ушибленное место, стала собирать все содержимое обратно в сумку. Человек решил ей помочь в этом. Та подняла взгляд, только когда её туш оказалась в чужих бледных ладонях, с тонкими длинными пальцами. Это был худой и высокий мужчина сорока лет, с бледной от рождения кожей, пепельными волосами, доходившими до плеч, и чёрными, лишёнными огонька жизни, глазами. Он неловко улыбался.

— Вы обронили, — говорил он мягким тихим голосом, пока протягивал тушь.

— Сама вижу.

С лёгким раздражением во взгляде и в голосе, произнесла Вирдж. Мало ли он окажется педофилом, так что лучше быть осторожнее. Она собрала все содержимое, грубо вырывая свою вещь из рук незнакомца, и присела на скамейку, дабы хоть как-то закрепить ремень, раздражённо бормоча себе под нос. Мужчина уловил её плохое настроение, когда осторожно присел на самый край лавочки.

— Может помочь? — неловко спросил он.

— Лучший способ мне помочь – это избавить меня от своего общества. Лучше себе помощи, раз такой хороший, — ворчливо изъясилась девушка. — Ты мне и так уже сумку повредил, поэтому спасибо.

— А разве не Вы ей размахивали так, словно это несущий винт? — недоумевал мужчина по поводу того, в какой степени он был причастен.

— Ах, то есть я ещё и виновата, спасибо большое! — всплеснула руками Вирджиния, язвительно добавляя. — Ещё какие-то придурки будут меня в чем-то обвинять, когда ко мне и так несправедлива жизнь!

— Не очень то вежливо, — нахмурился собеседник.

— Мне как-то плевать, знаешь? Да и все мои проблемы касаются только меня, а будешь лезть к, между прочим несовершеннолетней, девушке не только в душу, но и в трусы, то выбью мозги сумкой уже намеренно!

С этой гневной тирадой, она встала со своего места.

— Ну, у меня они хотя бы есть. Соседствуют со здравым смыслом и хорошим воспитанием. Это отличает меня от ханжи, вроде Вас.

Ответил ей той же монетой мужчина, но более спокойно и воспитанно.

— Да пошёл ты.

Прошипев это, Вирджиния решила как можно быстрее уйти отсюда. Подальше от данного человека, пока ещё могла себя контролировать.

Не вина Вирджинии, что она выросла такой.

Вирджиния всегда была девочкой с яркими мечтами, но реальность её существования со временем затмевала свет надежды. В начальной школе она столкнулась с ожесточённой агрессией со стороны одноклассников, которые не понимали её особенностей и предпочитали высмеивать. Каждое унижение оставляло следы не только на её душе, но и формировало глубокую завесу отчуждения между ней и окружающим миром.

Когда мать Вирджинии, погружённая в собственные заботы, начала игнорировать её, девочка ощутила ту бездонную пропасть отчаяния, которая стала столь обременительной. Глубокая потребность в любви и поддержке осталась неудовлетворённой, что способствовало росту агрессии внутри неё. Недолгое время спустя, когда она потеряла близкого человека, этот удар стал последней каплей, переполнившей чашу её страданий.

Теперь Вирджиния борется не только с внешней агрессией, но и с собственными внутренними демонами, позволяя прошлым обидам определить её личность. Она ищет пути трансформации, осознавая, что лишь приняв свои боли, сможет найти свободу и обрести гармонию.

Постепенно в её жизни появились друзья, а потом то, через что она могла спокойно выплёскивать накопившиеся эмоции – театральная труппа. Но даже это порой не помогало ей с её проблемами.

Дома она сидела над пустой тетрадкой в раздумьях, когда раздался телефонный звонок. Телефон был карманным, белого цвета с инициалом «А» на крышке. Данная компания ещё пять лет назад стала выпускать более компактные телефоны. Вирджиния взяла трубку.

— Да?

— Ну, как продвигается работа над докладом?

— Так же, как и твои попытки приударить за Холли. Ты что-то хотел, Джек?

— Да, вот хочу спросить совета касательно неё. Может пригласить её в кафе «У Роберта?»

Вирджиния невольно улыбнулась, услышав последнее слово. Это кафе было для неё словно тихая гавань из детства, куда она с родителями с удовольствием приходила, будучи маленькой. Каждое мгновение там пропитывалось теплом и ароматом свежеприготовленного кофе, наполняя её сердце ностальгией. Но теперь, когда она возросла, это место стало для неё чем-то вроде запретного плода. Мать, предпочитающая изысканные рестораны с их блестящей сервировкой и высокими ценами, почти никогда не приводила дочь в такие скромные забегаловки. Это не стало обычаем, а скорее, воспоминанием о беззаботном детстве, укрывшимся за стенами уютного кафе. В ней жила сложная симфония чувств: нежная привязанность к этим стенам, напоминающим о счастье, и болезненная тоска по свободным моментам, когда еда была лишь предлогом для разговоров и смеха. Вирджиния огляделась, ловя знакомые детали, и поняла, что даже в тени новых предпочтений это кафе навсегда останется частью её души.

— Думаю, она оценит. Все любят «У Роберта», — ответила, наконец, Вирдж.

— Спасибо за совет. Удачи с докладом.

— Спасибо что напомнил о моих душевных страданиях, — саркастично протянула Вирдж, вызывая на той стороне трубки смешок. — Ладно. До завтра.

И она бросила трубку, вернувшись на место, и сложив руки на столе, опустила на них голову. А совершенно не имеет понятия что делать, а времени все меньше. Можно было пойти в библиотеку, но разве там найдётся материал, что утрёт нос мистеру Уильямсу? Стоит попробовать, может и найдётся.

Девушка потянулась к многострадальной сумке, когда вставала, и укладывая туда тетрадь, вдруг заметила отсутствие косметички.

— Блин. Мать меня убьёт, — умозаключила она, прежде чем направиться к выходу.

К тому времени в начало темнеть, а громогласные тучи света явно не прибавляли. Пришлось лазить по кустам в парке, пытаясь припомнить как именно она шла домой, и в каком месте случился очередной припадок. Но не там, ни под лавкой его не наблюдалось. Оставалось только надеется, что сам кошелёк могут выбросить, когда возьмут все деньги. И готовиться к смертной казни, которую гарантирует мать.

— Не это ли ищешь?

Знакомый голос раздался позади. Человек с бездушными глазами и в невыразительной одежде, с которым ранее пререкалась, сидя на лавочке. И он, держа кошелёк девушки, подхо-

дил ближе. В лучшем случае Вирдж надеялась, что её прикончат прямо тут и выбросят под кусты, ибо ей от чего то не по себе рядом с ним. Без лишних церемоний, она выхватила свою вещь, и, проверив содержимое, прищурено глянула на мужчину. Насторожило ещё что все деньги на месте.

— Я чужого не беру, — ответил на её мысленный вопрос мужчина.

Он снова слегка улыбнулся. И тут все подозрения Вирджинии стали сыпаться, а на место раздражимости и настороженности пришло небольшое чувство стыда.

— Что ж, спасибо, — пробормотала с неловкостью в голосе Вирдж, припоминая своё недавнее поведение. — Простите за ранее, просто... Хреновый день.

— Понимаю, — лишь кивнул тот. — И с моей стороны тоже были крайне недопустимые и не вежливые слова.

Первая капля дождя капнула на нос Вирдж. А после дождь забарабанил по скамейкам и крышам, от чего по телу девушки пробежалась дрожь от прохлады.

— Я живу тут, не подалеку. Может... Переждёшь дождь у меня пока?

Вирджиния задумалась. Ну, завтра ей все равно грозит смерть, Так что если он действительно окажется маньяком, то терять особо нечего. Она не любит дождь. И через десять минут, она сидела на небольшой, обьятый небольшим сумраком кухне, которую озаряла лишь лампа на столе. На кухне незнакомого человека, пока тот любезно заваривал чай. Вирджиния осматривала комнату, замечая на стене календарь с разными мелкими записями на непонятном для неё языке. Но различить смогла шестиконечную звезду.

— Тут уютно, — заговорила девушка.

— Хотя и очень пусто, — выдохнул мужчина. — Я понимаю твои мысли, хотя я вовсе и не маньяк. Хотя со стороны можно подумать всякое. К тому же, я незнакомец, что тебе в отцы по возрасту годится..

— Тогда немного исправим данную ситуацию: я Вирджиния, — подумав, с небольшой улыбкой представилась она.

— Зерах, — представился в ответ мужчина, поставив на стол две кружки, откуда исходил горячий пар.

— И я не против, если бы Вы были бы маньяком. Меня все равно завтра четвертуют, причём учитель психологически, а мать физически.

— Это связано с сегодняшним поведением?

— Ещё как! Я сегодня опоздала то всего лишь на пару минут, а меня уже готовы вести на эшафот, будто я совершила государственную измену!

— И каков вердикт учителя в данном приговоре?

Та долго думала, осторожно беря кружку в руки, и опустив на неё взгляд, все таки решила поделится проблемой:

— Короче, завтра я должна предоставить доклад на тематику Второй мировой. Основная тема при этом свободна для выбора, но я хочу выбрать такую, от которой у мистера Уильямса, нашего зануды-учителя, челюсть выпадет. Это единственное моё спасение.

Зерах пару минут смотрел на бедную ученицу. А потом, чуть улыбнулся вновь.

— Считай, что тебе сейчас повезло...

***

Апрель 1942

Жёлтая звёздочка.

Зерах наблюдал за ней, пришитой к одежде ребёнка, который шёл рядом с родителями по пути домой. Самому Зераху было около десяти лет, он был высоким и довольно худощавым мальчиком с пепельными волосами. От матери Зерах унаследовал бледную кожу и большие чёрные глаза.

Зерах учился в лицее и имел довольно хорошие отметки. У него было много друзей из-за доброго, чуткого и игривого характера. Любящие и понимающие его родители. Соседи и многие взрослые души не чаяли в этом мальчишке. А его любимой книгой была повесть американской писательницы Сесилии Джеменсон «Леди Джейн, или Голубая цапля». В ней маленькая Джейн в одночасье остаётся сиротой. В чужом краю, где у неё нет ни родных, ни знакомых, она попадает к недобрым людям. Единственным другом малышки становится редкая птица — голубая цапля по имени Тони. Однако отважная девочка не падает духом.

И Зерах не должен падать духом, учитывая положение его и его народа.

Зераху было не повезло родиться в тот год, когда канцлером в Германии стал человек, по вине которого преследование евреев в Европе только усилилось и вскоре начнут приобретать более жуткие оттенки. Им нельзя было покидать дома с того, когда был установлен комендантский час. Начались эмиграции, и это не остановилось, даже когда началась война. Сами возможности переехать в другую страну, за исключением короткого периода открытой границы с Советским союзом, во время раздела Польши, свелись практически к нулю.

А вот внутри самой страны дела складывались по-разному, в зависимости от сторон самого населения.

На улицах городов больше не встречались нищие и бездомные. Для бедных семей возводили новые дома и целые жилые комплексы, уровень преступности был минимален. Рецидивисты быстро выявлялись и отправлялись в лагерь. Коммунальные услуги обходились недорого. Промышленность начала массовое производство доступного семейного автомобиля Фольксваген. Частный сектор процветал. С началом войны в Европе в Германии трудилось более семи миллионов иностранцев. Граждане Дании, Нидерландов и Франции приезжали по своему желанию. Никто из них не испытывал унижений, остальные же были пленниками. Война есть война.

Культурная жизнь в стране бурно развивалась. Каждый год на экраны выходило не менее ста фильмов, режиссированных немцами. Театры не пустовали. Спорту уделялось большое внимание, а Олимпиада в Берлине в 1936 году прошла на высоком уровне.

В мирное время большинство немцев поддерживало правительство Третьего Рейха. Недовольных было немного: в основном, это были евреи, утратившие своё влияние, продажные политики и коррумпированные профсоюзные лидеры. Это общественное бремя надо было ограничить ради процветания немецкого народа. Германия при фюрере была создана для трудящихся собственными силами; для паразитов в ней не было места.

И среди наиболее нежелательных паразитов были евреи.

Ведь самый страшный кошмар для непонимающего многого маленького мальчика начался весной в начале сорокового года...

Субботний обычный денёк. В гости неожиданно пожаловали сразу несколько человек, которые были близкими друзьями семьи: господин Эйб Штерн и его супруга, работница пекарни Хельга Вебер, заправляющий мясной лавкой Ицхак Кляйн, работник бухгалтерии Томас Кох, и домохозяйка Дара Минц, в своем дорогом пальто.

— Ну и денёк... Меня едва не разорвала нацистская собака, — пожаловался с улыбкой Кох, демонстрируя штанину с отсутствующим куском ткани.

— Не оскорбляйте животное, гер Кох, — хмыкнула Дара.

— А самих нацистов сравнивайте с мхом. Мох же оскорблять можно? — говорил Ицхак, поправляя съехавшее гетсби, и берясь за подтяжки.

— Вещи надо называть своими именами, — вмешалась в разговор Хельга, а потом глянула на господина Штерна. — Вам удалось все передать тем бедным людям?

— Я отправлял того, кого легче всего не заметить, и удалось подкупить охранника. Все прошло как надо, — отвечал на вопрос Эйб, пока Зерах бросился в объятия своего отца, главы семейства, стоящего у окна.

— Я сделал как просили, аба, — ребёнок поднял на взрослого свой взгляд.

— Отличная работа малыш, — мягко погладив его по голове, мужчина обратил внимание на гостей. — Не ожидал, что вы придёте именно сейчас... Договаривались ведь на ночь.

— Мы решили на этот раз собраться у вас, — пояснил Томас

Глава семейства лишь тепло улыбнулся, разведя руки в стороны.

— Что ж... Раз все собрались, то все вместе и отметим шаббат.

Собравшиеся начали занимать свои места за столом, атмосферу заполнили слабые ароматы пряных блюд. Лишь в такие моменты Зерах чувствовал, как напряжение в ней ослабевает; рядом сидели люди, которые были знакомы ему с давних пор, своих глазах они прятали тепло и заботу. Он, как замороженный, следил за тем, как Натан ставит на стол свечи и медленно зажигает их, произнося молитву. Его голос был тихим, но каждый звук как будто заполнял пространство светом.

После окончания церемонии, Зерах находился в своей маленькой комнате, когда входная дверь отворилась, а на пороге квартиры показался стройный мужчина за тридцать в белой рубашке. По мнению фюрера, такой он как были представителями арийской расы: светлые короткие волосы, голубые яркие глаза, привлекательные черты лица и немецкое происхождение.

— Какие-то новости, Альфред?

Глава семейства, Натан Ривман, первым откликнулся, тогда как его супруга, отвлѣкшаяся всего на мгновение, упорно продолжала тереть сухую тарелку тряпкой. Анаэль, худощавая женщина с бледной кожей, тѣмными волосами, круглым лицом и чѣрными глазами, могла бы выглядеть как типичная домохозяйка, но это не так. Она владеет несколькими языками, в том числе жестовым, и её математические навыки близки к совершенству. Натан — высокий мужчина тридцати лет, который собирает свои каштановые волосы в хвост, а его чѣлка имеет пепельный оттенок. Его глаза светятся медово-карим цветом. На его шее всегда висит тѣплый серо-чѣрный шарф, подаренный матерью. Ранее он управлял бизнесом по производству свечей, но закрыл его после прихода гестапо в Штутгарт. Тем не менее, навыки, связанные с изготовлением свечей, не утрачены, что оказывается полезным в тѣмные часы.

— Да, — на лице Альфреда Гофмана читалось напряжение. — В течении этой недели, вы должны убраться из города и где-нибудь спрятаться.

— Все настолько плохо? — задалась вопросом Анаэль, поднимая усталый взгляд на старого приятеля.

— Я получил информацию от источника из Берлина, — Гофман завѣл руки за спину, прошѣлся по комнате и присел на стул. — Ещѣ в январе, на конференции в Ванзее, было принято решение в отношении «Еврейского вопроса». Не так давно начали приходить письма с просьбой явиться в полицейский участок. После этого людей никто не видит. Их просто депортируют.

— Депортируют? Куда? — напрягся Натан.

— Могут на Восток. К примеру недели две назад депортировали евреев из Словакии и Польши, в концентрационный лагерь Майденак.

— Но... Ты говорил, что документы помогут нам, — с призрачной надеждой говорила госпожа Штерн. Однако нотки отчаяния там уже слышались.

— Они как-то узнали про всех, у кого они подделаны, — выдохнул с искренним сожалением представитель гестапо.

Тарелка выпала из дрожащих рук Анаэль и разбилась. Женщина едва держала себя в руках, смотря безумными глазами на присутствующих.

— А я говорила тебе... А я говорила, что нам следовало бежать из страны ещѣ когда была «Хрустальная ночь»! — это она адресовала своему мужу. — Теперь и мы, и наш сын, можем погибнуть в одном из лагерей смерти!

— Побег был бы бессмысленным, учитывая то, что Рейх захватывает все новые и новые территории. Разве что за океан, что наверняка практически невозможно, — спокойно говорил Гофман, а потом встал. — Через неделю я вернусь сюда в форме тайной полиции. И только попробуйте ещё быть тут...

Холодно пригрозив, он удалился из дома. После данных предупредительных угроз, он удалился. Присутствующие обречённо выдохнули, а госпожа Ривман зарыдала от безысходности, прижимаясь к груди супруга. Хельга Вебер, желая отвлечься от всего этого, вышла из комнаты. Там она столкнулась с маленьким Зерахом, что с такой детской, милой улыбкой смотрел на неё.

— Хотите покажу фокус?

— Хочу, — женщина ответила не сразу, пока мальчик подошёл ближе.

— Присядьте немного, пожалуйста, — она послушала его, после чего Зерах потянулся к ней тоненькой ручкой и достал из-за уха монетку. — Та-да!

— Ого, да ты большой молодец! — посмеялась Хельга, при этом даже не подыгрывая.

— Когда я вырасту, то мечтаю стать фокусником, и радовать людей. Не беря с них денег, разумеется, — гордо объявил мальчик.

— Я уверена, что у тебя обязательно получится.

***

Перед сном мальчик ещё прокручивал в голове разговор взрослых. Но вот сказать об этом он решил отцу, который пришёл уложить его спать. Мужчина сразу замечает, когда с его мальчиком что-то не так.

— Аба, — называл он так своего отца. — Сегодня приходил Альфред. Я... Просто слышал, что вы о чем-то разговаривали. Мы должны будем уехать?

— Мальчик мой, тебе не о чем беспокоится, — в своей мягкой манере ответил Натан, усадив своего сына на кровать, и сев рядом. — Папа обо всем позаботится.

— Аба, а что такое концентрационный лагерь?

— Все, что тебе нужно знать, так это то, что это страшное место, где содержатся люди

— Оно на Востоке?

— Да, малыш. Там находится Польша.

— Аба... А почему все так ненавидят евреев? Ведь все мы одинаковые, все мы люди. Но нас винят во всех бедах.

— Этого я не знаю, малыш, — выдохнул Натан, но потом погладил сына по голове. — Но знай, что ты не сделал ничего плохого. Ты хороший человек, и обязан им оставаться не смотря ни на что... Обещаешь?

— Обещаю, аба.

— Я люблю тебя, сынок.

— Я тоже, папа...

Его поцеловали в лоб, и погасив керосиновую лампу на дубовом столе, оставили одного. Но Зерах не спал, а предавался размышлениям, смотря в потолок.

Он ещё помнил, как будучи маленьким приходил на предприятие отца, и играл в начальника, и тогда не подозревал, что так и не получит бизнес по наследству. Но как оказалось, не один он отказался от своих мечт. Анаэль мечтала стать переводчицей, и когда-нибудь поехать работать во Францию. Может и к лучшему, что не вышло, так как её муж вежливо намекал, что у неё ужасное произношение.

А о чем мечтал сам Зерах? Он хотел развлекать людей и дарить им радость. Но быть не клоуном, а фокусником. Одного он когда-то видел в своём гетто, и был очарован уже до конца жизни этим ярким образом и разного рода чудесами. И все смеялись и радовались тогда, словно исчезли все проблемы мира. Словно это была не их реальность.

Однако в наше время самое сложное - это то, что идеалы, мечты и светлые надежды, что не успели реализоваться, но уже мгновенно разбиваются о суровые реалии жизни. Каждая распавшаяся мечта - это как умирать тысячу раз, оставаясь живым. Мысли о потерянных возможностях обесценивают нашу смелость и решают радости от того, что происходит сейчас.

Тем менее, стоит обратить внимание, что именно в разрушении рождаются новые начинания. Каждая утраченная мечта может стать основой для более смелого стремления, подстёгивая нас выйти за пределы привычного, преодолеть страхи и определить свои истинные желания.

Мечтать - значит уметь обнажить свою душу, а уничтожать мечты - значит распрощаться с иллюзиями.

Глава 2

Сентябрь 1976

Вирджиния сидела в классе за партой и думала насчёт теста «Какое твоё будущее?»

Честно, она никогда и не задумывалась о том, о чем мечтает больше всего на свете. Ведь все её ещё контролирует её мать, даже если не является физическим воплощением рядом. Это тяготит больше всего. Не отсутствие матери рядом, а неопределённость. Неизвестность, подобно океану, неизменно волнуется, и порой кажется, что мы лишь крошечные лодки, плывущие по его бурным водам. Каждый выбор, каждое решение - это штурвал, который направляет нас. И Вирджиния должна сама встать у этого штурвала.

Но пока не в силах. Пока капитаном является её мать.

Прозвенел звонок. Пришло время сдавать тест.

— Вирджиния, подожди.

Мистер Уильямс стал относиться к ней куда лучше ещё днями ранее.

— Да, мистер Уильямс?

— Твой доклад о Майденаке меня поразил. Так подробно, что складывается впечатление, будто ты сама там побывала, — выразил похвалу учитель.

— Да... Спасибо, — данные слова теперь почему-то въелись в мозг.

— Можешь быть свободна.

Она кивнула учителю и ушла из класса. Возникло желание пройтись по парку, и покормить уток заодно. Дел пока не было, Холли уехала в Голливуд повидать мать на несколько дней, Джек устроился на подработку на какой-то склад, а Дэйв слёг в больницу, поэтому организовать встречу клуба сейчас бессмысленно.

Светлые лучи солнца пробивались сквозь листву деревьев, играя на поверхности воды, даря парку особую магию. Она на мгновение остановилась, вдыхая свежий воздух, наполненный ароматами живой природы, и решила, что даже одна прогулка может стать маленьким праздником. Утки, плавно скользящие по воде, ждали кормёжки, и, улыбнувшись, она достала из сумки немного хлеба. В этом простом акте заботы она находила умиротворение, отстраняясь от забот и обременительных мыслей, позволяя себе насладиться мгновением гармонии.

— Какие люди...

Послышался знакомый голос. Навстречу шёл знакомый человек в сером, заложив руки в карманы и расслабленно улыбаясь.

— Любительница попинать мусорные баки собственной персоной... Как прошло?

— Ты был прав. Он ещё под впечатлением.

— А я говорил, — хмыкнув, он довольный присел на траву перед озером.

Та, подумав, присела рядом.

— И все таки, ты так и не сказал, откуда так много знаешь...

Зерах нервно закусил нижнюю губу, желая уйти от разговора.

— Меньше знаешь - крепче спишь, Вирджиния, — лишь отрезал он.

Они оба молча смотрели на мирно плавающих в воде уток, а потом девушка глянула на мужчину. Чувство вины и благодарность сочетались между собой, разрывая её, от чего она уже не выдержала.

— А... Ты когда-нибудь бывал в кафе «У Роберта»? Там подают лучшие хот-доги, наверное, во всей Америке, — неловко поинтересовалась она, не зная что ещё предложить.

— Можно. Никогда там не бывал, если честно, — без раздумий ответил Зерах.

Кафе «У Роберта» напоминает чем-то маленькую смесь Италии и Дании. Маленькое, одноэтажное строение, но какое уютное и какие воспоминания приносило людям, посещающим его. К тому же тут довольно низкие цены. И тут всегда были неизменны четыре вещи:

хиппи, сидящие у окна за четвёртым столиком, куча сырного соуса, даже если ты его не заказывал, песни Элвиса Престли на старом проигрывателе, и сам Роб, чьи волосы и борода были рыжими и лохматыми как грива, сам глава заведения, который работает тут уже много лет.

Оно было основано в 1951 году, а до этого Роберт кормил бездомных и людей, чьи финансовые возможности было трудно назвать стабильными, не беря с них никаких денег. Тогда то люди и выступили за то, чтобы помочь Роберту открыть собственное кафе, прилагая свои собственные усилия. И даже когда постройку объявляли незаконной, люди стояли друг за друга, взявшись за руки, не боясь тех же бульдозеров. Люди были там днями и ночами в течении трёх дней, пока правительство города не обратило внимание, и все не узаконила.

Но бывали тут и странные случаи. Через год после официального открытия в кафе появился странный незнакомец в чёрных круглых очках. Он вёл себя довольно вызывающе и нагло по отношению к окружающим людям, и Роберт принял тогда решение выгнать непрошенного гостя, и заступаясь за гостей, нанёс оскорбление данному мужчине. И перед тем, как уйти, мужчина в очках произнёс данные слова:

«Птичка воспарила в небо. Теперь ей суждено сгореть из-за яркого солнца».

— Ничего себе история, — выслушивая рассказ Вирджинии, заключил Зерах.

— Да, но этого странного человека больше не видели, а его словам решили не придавать большого значения, — сказала Вирджиния.

Странная парочка знакомых присела за столик у окна, дожидаясь единственную на все заведение официантку: милую Сьюзи с косичками чёрного цвета, и новыми брекетами на зубах. Была она не высокой и полноватой, но это не мешало ей носить короткие юбки.

— Добро пожаловать! Что желаете заказать? Могу посоветовать блюдо сегодняшнего дня, а именно нежную свинину...

— А... Мне по религии не положено, — неловко подсказал Зерах.

— Одни вегетарианский хот-дог, один обычный, газировку, сок, и фирменное блюдо от самого Роберта, — сообразив, ответила за двоих Вирджиния.

— Угу, поняла, ждите минут двадцать.

Записав выбранное, официантка тут же удалилась на кухню. А клиенты остались теперь наедине, молча смотря в разные стороны. За окном медленно падали листья, и осень стучала в окно своим холодным дыханием. Люди спешили по своим делам, совершенно не замечая друг друга. Даже не поверишь, что когда-то они стояли друг за друга, когда дело коснулось Роберта. Зерах перевёл внимание на девушку, решая как-то разбавить тишину

— Может... Пока расскажешь о себе? — предложил он.

— А что можно рассказать то? Учусь в старшей школе, есть несколько друзей, оценки оставляют желать лучшего. Являюсь лидером театрального кружка, который ещё ни разу не ставил спектакли за два года своего существования, — она была открыта в данной теме сравнительно недолго. — Живу с матерью, хотя и только по документам, ибо она не проявляет ко мне никакого внимания...

— А отец? — Вирдж на секунду посмотрела в окно.

— А что насчёт тебя? — перевела разговор моментально она. — Ты у нас значит не поклонник свинины, и у тебя дома висит календарь с еврейской звездой.

— Будешь осуждать?

— Нет, — она негодовала, когда заметила, как он слегка нахмурился. — Напротив, мне довольно интересно, чем отличаются веры людей между собой. Например правда ли, что по субботам вы не работаете?

— Это называется Шаббат. Суть праздника заключается в том, чтобы отстраниться от мирских дел и ощутить свою связь со Всевышним. В субботу Бог завершил сотворение мира и отдыхал, поэтому людям тоже запрещён любой труд.

— А обрезание?

— Да. Правда.

— Ладно, что можешь сказать ещё о себе?

— Сорок три года назад я родился на территории Германии, а если быть точнее, то в Штутгарте, где прожил до сорок второго года. Моя мать была домохозяйкой, но прекрасно разбиралась в арифметике и знала некоторые языки, включая язык жестов, а отец, — он говорил быстро, но достаточно понятно, вдруг на секунду замолчал. — У него был свой собственный бизнес по производству свечей.

Теперь Вирджиния могла сопоставить возраст с датами. Сердце болезненно сжалось, пока сам мужчина выглядел потерянным.

— Какого было там? — тихо спросила она. Но он понял.

— Я не хочу об этом говорить, — ответил он так же тихо.

Вирджиния учла его желание и замолчала. В этот момент подошла и сама Сьюзи с заказом, который поставила на столик.

— Приятного аппетита. С вас доллар и двадцать три цента, — а потом она обратила наконец внимание на парочку, с некой неловкостью. — А... Вы?

Если до мужчины не доходило, то девушка лишь ухмыльнулась.

— Начинать пока без меня, пупсик. Я отойду припудрить носик.

Даря напоследок воздушный поцелуй, она направилась в туалет. Сьюзи обескуражено посмотрела на мужчину. До него дошло.

— Мы просто знакомые.

Пока официантка удалялась, он оставался на месте, ожидая и внимательно рассматривая свою часть заказа. Внезапно его внимание привлекло, как двое мужчин сначала вытащили из-за стола загорелого молодого человека мексиканского происхождения, а затем начали что-то настойчиво предъявлять. Судя по всему, это не пришлось по душе Зераху, так как он встал и принялся защищать этого парня.

— Вам не говорили, что двое на одного не честно? — сдержанно спросил он. — У вас имеются какие-то проблемы?

— Ты бы не лез не в своё дело, иначе огребёшь как мексикос, — пригрозил один из агрессоров.

Вирджиния пока вышла из уборной, замечая данный конфликт.

— А ты попробуй, — как-то довольно пугающе, и с ноткой садизма в глазах, протянул Зерах, улыбнувшись. — Я такие виды пыток знаю, что вашим маленьким мозгам и не снилось, бандерлоги.

Парни не желали связываться с ним, а потому решили убраться отсюда.

— Так, что ту происходит?

Показался и сам Роб, что правда был похож на старого льва Но никто так и не ответил на его вопрос, хотя Роберт и сам все смог понять, выдохнув.

— Мексиканцу любое блюдо за счёт заведения, — а затем посмотрев на Зераха, будто они уже были знакомы когда-то давно. — А для узников концлагерей у нас все совершенно бесплатно.

Но тот лишь молча опустил взгляд, когда к нему приковалось внимание как владельца заведения, так и самой Вирджинии...

***

Апрель 1942

По коридору школы и за её пределами весело бегала детвора, играя во все возможные, в данных условиях, игры. Из группы выбирается девять овец и три волка. Остальные становятся в круг, взявшись за руки — это ограда. Овцы стоят внутри круга, а волки снаружи. Ведущий разбрасывает листочки с зелёной бумагой, вместо травы, за пределами круга. Суть игры в том, что овцы должны собрать всю траву за пределами круга и принести её в круг. Волки ловят овец,

вышедших из круга. Ограда пропускает овец и препятствует волкам. Овца, которую осалил волк, выходит из игры. Можно менять волков и овец. Игра продолжается до тех пор, пока не будет собрана вся трава или пойманы все овцы. В конечном итоге победила команда овец, после чего все ребята, хихикая, расположились на полу.

— Зерах, ну ты просто сумасшедший! — звонко смеялась Лидия Холланд, девочка с золотыми косами.

— Не безумец. Скорее мечтатель, — возразил тот. — Разве у вас нет никаких мечт, ребят?

— Я хочу стать актрисой! — выразила желание Лидия.

— А я хочу стать учителем! А что? Просто сидишь, оценки ставишь, отчитываешь... Вот это было бы здорово! — посмеялся Ян Дженкинс.

— А у меня в мечтах килограмм конфет!

Остальные посмеялась над Петером, но совсем без издёвки, пока лежали на полу.

— А о чем ты мечтаешь, Зерах? — неожиданно спросила Лидия.

— Фокусником, — ответил сам Ривман. — Ведь это здорово, когда ты можешь делать людей счастливыми, и ничего не брать взамен.

— А ты хоть колдовать то умеешь? Или замки вскрывать? Как по твоему ты будешь без этого из ящиков выбирать? — скептично отнесся к данной затее Ян, глянув на приятеля.

Тот принял сидячее положение.

— Легко! — без сомнений и с каплей задора заявил Зерах.

— Тогда попробуй вскрыть замок в двери господина Ханса.

Вызов был принят, а кучка ребят направилась к дверям директора. Зерах усмехнулся, ощутив на себе насмешливые взгляды друзей. В его воображении замок уже поддавался, ключ не требовался. Он взглянул на дверь, за которой находился кабинет строгого господина Ханса. Выдохнув, он встал и подошёл к двери, делая вид, что раскручивает воображаемые замки.

— Смотрите и учитесь! — с вызовом произнес он, потянув за ручку. Дверь не поддавалась, как и ожидалось. Он подмигнул друзьям. — Просто дверь старая, вот и не открывается! Время использовать магию!

Лидия заливисто засмеялась.

— Ты что, думаешь, что получится?

— Да я точно могу! — сказал Зерах, наладив концентрацию, будто вокруг него возникал волшебный свет. Он притянул к себе ручку, как будто она была частью его силы. Внезапно вокруг раздался треск — дверь на мгновение приоткрылась, прежде чем зажалась обратно.

Все затаили дыхание, и Зерах, не будь стихией скромности, гордо повернулся к своему кружку.

— Видите? Легко! Настоящий фокусник в действии!

Друзья обменялись недоумевающими взглядами, и Петер, все ещё смеясь, подошёл ближе.

— Если ты такой волшебник, почему не откроешь её окончательно?

Зерах, почувствовав, что ему не хватает уверенности, собрался силами. Он стал концентрироваться ещё сильнее, представляя, как дверь поддаётся его воле. В голове у него мелькали образы таинственных существ, которые подчинялись магии.

— Я просто жду подходящего момента! — ответил он, стараясь скрыть растерянность. Он шагнул к двери ещё ближе, его руки слегка дрожали от напряжения. — Дверь, откройся!

Вдруг раздался новый треск, и Зерах, словно под чары невидимого заклинания, увидел, как дверь вновь приоткрылась. На этот раз она осталась открытой. За ней стоял Ханс, с холодным блеском в глазах и недовольным выражением на лице. Высокий, худощавый мужчина с пышными усами тёмного цвета.

— Что тут происходит? — прогремел он, словно гром среди ясного неба.

Зерах замер, его фальшивая уверенность мыслью разлетелась в прах, как мотылёк среди огня. Друзья затаили дыхание, не зная, как отреагировать на неожиданный поворот событий. Директор посмотрел на самого «фокусника», который растянул рот в нервной улыбке, говоря лишь:

— Абракадабра?

***

Обычная весенняя пасмурная погода не была предлогом для Зераха оставаться дома. Обычная весенняя пасмурная погода не могла стать оправданием для Зераха, чтобы укрыться от мира в стенах своего дома. Серые облака, как незаметные охранники, лишь слегка затеняли его день, но не в силах были угасить свет его духа. Для него каждый момент, проведённый на свежем воздухе, был праздником, даже если небо зевало меланхолично, прядясь дождевыми слезами.

Он улыбался, выходя за порог, где воздух наполнялся ожиданием нового. Вкус весны проникал в каждый его вдох, как потаённый шёпот природы, призывающий к необычным приключениям. Папоротники, как зелёные рукодельницы, взмывали к небу, а капли дождя звучали, как нежные аккорды весёлой симфонии.

Зерах знал, что даже в самые хмурые дни жизнь продолжает зимнее пробуждение, и он, как мудрый ученик природы, был готов встретить её с радостью.

Но, к сожалению, выйти сегодня он мог лишь в отцом, который попросил его подождать около входа. Мальчик, выждав пару минут, решил прогуляться, пока отец не заметил его пропажи.

На детской площадке, данное время, играло двое детей: мальчик в шортах на ремнях, и девочка с косичками. Зерах, улыбаясь, начал подходить к ним.

— Привет, — внимание обоих тут же было привлечено. — Меня зовут Зерах. Можно с вами поиграть?

— Ну, можно, — подумав, ответил за них обоих мальчик.

— И даже ничего, что я еврей? — но потом он осознал, что не должен был этого говорить, так как запретил папа. — Ой...

Дети перестали выглядеть дружелюбно, начиная странно перешёптываться. Тогда вновь заговорил мальчик.

— Ты не можешь с нами играть. Ты еврей.

— Да, но, — не особо понимал слов мальчика сам Зерах. — Ведь я такой же ребёнок, прямо как и вы. У меня есть ноги, руки и кровь такая же красная.

Но внезапно его толкнули на песок, от чего он испугался.

— Ты грязный жид, так говорит мой папа, — прошипела девочка. — Так что не приближайся к нам. Мало ли подцепим что-нибудь, например чуму.

Зерах не стал с ними спорить о том, что чуму разносят блохи, сидящие на крысах и прочих грызунах, а если ещё точнее - бактерия чумная палочка. Ему просто стало обидно, из-за чего он поднялся с земли, и убежал прочь, пока дети за спиной смеялись и бросали песок. Он бежал, чувствуя, как горькие слёзы подступают к глазам. Он не понимал, почему его так ненавидят, ведь он всего лишь хотел поиграть, как все. Ощущение одиночества наполнило его, и он свернул в узкую улицу, где никто не мог его видеть. Там, среди старых стен, он нашёл небольшой, потемневший от времени мяч, оставленный, видимо, кем-то раньше.

Он стал катить его по земле, пытаясь отвлечься от своих мыслей. Но счастье быстро улетучивалось, и в голове вновь возникали слова девочки и мальчика. Ему было грустно, что они не видят, как он похож на них. Он знал, что отличается от остальных, но не знал, почему это имеет значение. Он часто слышал, как взрослые спорят, но никогда не думал, что это может затронуть и его. На каждом углу вещали о том, какие те или иные люди плохие, и это происходило всегда. Евреи не были первопроходцами, к сожалению, как узнавал из книг сам мальчик.

Расовая дискриминация, проявлявшаяся в различных формах, пронизывает историю человечества, оставляя за собой глубокие шрамы на сознании обществ. С древних времён различия в цвете кожи, культуре и языке становились основанием для предвзятых суждений и неравного отношения. Во времена колониальных захватов, множество народов страдали от угнетения и эксплуатации, их культурные ценности и идентичность подвергались систематическому уничтожению.

В XIX и XX веках расовая дискриминация приняла новые формы, когда на арену вышли идеологии расового превосходства. Научные исследования, искажённые в угоду политическим целям, ошибочно обосновывали идею о «недочеловечности» определённых рас, что лишь усугубляло существующие стереотипы и предвзятости. Эти заблуждения стали основой для законов, легитимизировавших сегрегацию и угнетение, что привело к эпохам жестоких репрессий и массовых нарушений прав человека.

Идея о превосходстве была поддержана нынешним канцлером Германии, и с захватом новых стран, данная идеология распространялась все дальше и дальше, и имела довольно пугающие обороты. Антисемизм в нацистской Германии стал одной из основополагающих идеологий режима, влияя на политические, социальные и культурные аспекты жизни страны. С приходом Гитлера к власти в 1933 году, антисемитские настроения были легализованы и превращены в государственную политику. Многочисленные законы и указания, такие как Нюрнбергские законы 1935 года, начали систематически лишать евреев гражданских прав, исключая их из общественной жизни, экономики и культуры.

Наиболее тревожным проявлением антисемитизма в нацистской Германии стало введение концентрационных лагерей, где миллионы евреев были заключены и подвергнуты жестоким пыткам, тяжёлым условиям труда и массовым казням. Пропаганда активно использовала мифы и стереотипы о евреях, изображая их как врагов народа, ответственных за экономические бедствия и социальные проблемы. Это создало атмосферу ненависти и безразличия, позволяя обществу оправдывать насилие и геноцид.

Подобные плакаты с пугающими формулировками Зерах замечал, но старался избегать, как и встреч с людьми с красными тряпками на плечах. И когда к их ногам укатился мяч, мальчик просто убежал, дабы его не заметили. Страх, отчаяние, всеобщая ненависть - все это успел узреть мальчик за все девять лет своей жизни.

Посещать парки было запрещено, но Зерах и не заходил туда - просто уселся на лужайку с другой стороны от парка, между которыми располагалось озеро. Шмыгая маленьким округлым носом, Зерах наблюдал за утками: парой белыми и чёрной. Они, не смотря на своим приметные отличия, являются представителями водоплавающих птиц, каждая из которых обладает своими особенностями.

Чёрная утка, с её блестящими крыльями часто ассоциируется с загадочностью. В то время как, как чёрная утка притягивает внимание своим контрастом, белая утка, с её мягким и светлым окрасом олицетворяет простоту и невинность. Но даже столь разные создания способны поделить между собой корочку хлеба.

Так почему люди не могут быть столь щедры и добры в отношении друг друга?

— Сударь, не подскажите, который сейчас час?

Этот мягкий, отдающий лёгким басом, голос, здорово напугал мальчика, от чего тот подскочил, смотря на незнакомца. Высокий и широкоплечий, такой, что для Зераха он казался великаном, закрывающим солнце. Из под тёмного цилиндра видно пару тёмных, с сединой, кудрявых волос. Череп вытянутый, скулы островатые, нос идеальной формы. Глаз не было видно, так как они скрыты за черными, круглыми очками. Крепкий, статный мужчина неопределённого возраста, в дорогом тёмном пальто, что закреплено на груди пуговицей в виде золотой звезды. Именно он бросил уткам корочку хлеба руками в белых перчатках.

Посмотрев на мальчика, он улыбнулся. На щеках показались ямочки.

— Испугался? Я не человек с красной тряпкой.

Зерах это понял уже.

— Смотри, — он указал на звезду на груди. — У меня такая же звёздочка.

— Вы еврей? — спросил юный Ривман.

— Нет. Но я не согласен с политикой фюрера.

— Вас могут арестовать за такие слова...

Зерах однажды подобное наблюдал. Но данное заявление лишь позабавило мужчину.

— Пусть попробуют, если выйдет...

Он вдруг присел на траву. Опешивший мальчик решил последовать его примеру, вновь смотря на уток.

— Темная и белая. Знаешь, чем они отличаются? — заговорил незнакомец. — В тёмных тонах заключается глубина, в которой скрываются сложные повадки и индивидуальность. В то время, как белая означает простоту и невинность. Лёгкость и умиротворение.

— Но есть и серые утки, — припомнил Зерах.

— Именно, мой маленький еврейский дружок. Прямо как и люди. На каждой стороне есть и белые и чёрные пешки, а иногда они могут быть и серыми.

Этот странный человек просидел здесь ещё несколько минут, прежде чем подскочить, и пойти своей дорогой.

— Подождите! — мальчик его окликнул. — Я... Так и не узнал Вашего имени.

— Ещё не время, маленький верей. Лучше возвращайся к отцу. Переживает.

Это последнее что он успел сказать, перед тем как вдруг исчезнуть. Под впечатлением, Зерах пытался рассказать об этом родителям, но кто поверит маленькому мальчику с большой фантазией.

В эту ночь он спал совсем плохо. Ему снился очень странный и пугающий сон, где черно-белых людей с золотыми звёздами заводят прямо в огонь. Все, за исключением пламени, было в серых или черно-белых тонах. А вели этих людей туда люди с красными повязками на плечах. Даже не так. Обезображенные, пугающие монстры их ведут туда. Но кое-кого он всё-таки смог узнать среди этих тёмных лиц - его отца. Зерах пытался бежать к нему, но ноги не слушались, будучи словно прибитыми к полу. Крики растворялись в мёртвой тишине. А отец постепенно горел в огне...

Мальчик проснулся в холодном поту, пытаясь дышать, а рядом с его кроватью сидел обеспокоенный отец. Живой и невредимый. К нему мальчик и бросился, обхватывая руками плечи, и едва ли не плача, подрагивал.

— Аба...

— Малыш, что случилось? — мягко спросил он.

— Мне приснился страшный сон, — заикаясь, залепетал Зерах. — Там черно-белые люди, со звёздами на груди, заходили в огонь, и... и все так реалистично было. Там был ты, и ты тоже сгорел!

— Ну-ну, это всего лишь плохой сон, — Натан начал успокаивать своего сына, прижимая к себе. — Я живой, и я всегда буду рядом с тобой.

— Обещаешь? — с надеждой спросил Зерах.

— Клянусь звездой Давида, — с улыбкой ответил мужчина, а потом подхватил мальчика на руки. — А ну иди сюда!

Была в семье такая привычка для поддержания духа младшего её обитателя - брать его и кружить по комнате. Зерах в данный момент ощущал себя пилотом самолёта, что улетает от всех плохих людей туда, где есть хорошие - за океан, ибо там нет людей с красными тряпками, насколько хорошо он слышал.

— Когда я вырасту, то хочу быть фокусником, и радовать людей, не беря с них денег, попасть в Америку или Францию... А ты куда бы хотел, аба?

— К твоей бабушке-старушке. Давно я её не видел, — отвечая, Натан прижимал сына к груди, пока на лице проскользнула нотка тревожности, по данному поводу.

— Я тоже.

Только осознал данный факт мальчик. Бабушка, она же мать Натана, приезжала редко, но всегда была рада в доме семьи Ривманов. Но вот уже год от неё никаких вестей. Однако проведать её возможности не было.

Анаэль готовила завтрак. Зерах начал переодеваться в белую рубашку с красным галстуком и бледно-голубые шорты. А Натан приготавливал кофе. Было около десяти часов утра, когда вся нормальная жизнь прекратилась в один момент. Было около десяти утра, когда машина приехала в данный район, начиная погружать людей, тем самым арестовывая. И было около десяти утра, когда раздались стуки, а за дверью квартиры послышалась немецкая недоброежелательная речь. Все семейство Ривманов затаило дыхание в тот момент, и кучковалось выжидающе смотря на дверь, при этом становясь бледнее штукатурки на потолке, которая обсыпалась от ударов об пол в квартире выше. Там тоже была облава.

Нацисты не звонят в дверь - такое правило действовало в их окружении.

Двери взломали, и перед застывшими от страха евреями возникли две фигуры с автоматами и сам Гофман, в служебной чёрной форме, и белыми перчатками на руках. Натан встал впереди своей семьи.

— Это все? — сухо спросил он. Но ответ и так был известен. — Обыскать дом, — это было уже сказано двум солдатам.

Те моментально разбежались. Гофман заложил руки за спину, и посмотрел уже на семейство, сохраняя самообладание.

— У вас пятнадцать минут на сборы.

Натан Ривман, пока его жена успокаивала их сына, нашёл в себе смелость подойти к тому, кто их арестовал. Это действительно оказалась ирония судьбы, раз его послали именно в данный квартал. Оба прекрасно понимали ситуацию друг друга, но ничего с этим поделать не могли.

— Я знаю, что ты не в силах нас отпустить, — заговорил Натан, добавляя с мольбой в голосе. — Но пожалуйста, ради памяти нашей дружбы, защиты моего сына. Он всего лишь ребёнок, и погибнет там... — он смотрел на спину старого друга, — Альфред, пожалуйста...

Тот держал паузу пару секунд, через плечо глядя на арестованного. Два друга детства теперь на разных сторонах.

— Я сделаю все, что в моих силах. — всё-таки заключил он. — Однако сам ты навряд ли увидишь его, если вас переправят в какой-то из основных лагерей.

От этого на душе стало легче. Смотря на свою жену и своего сына, он обречённо выдохнул. Если это цена за то, чтобы они остались живы, то он готов пойти на все. Улыбнувшись, он вновь подошёл к ним и присел рядом, обнимая супруг за плечо, и глянув на сына, что, маленьким котёнком, прижался к матери, разбито смотрел в сторону. Глаза и щеки были красными от слез.

Натан, в этот момент, хотел что-то сказать, но вместо сотни слов и обещаний, тихо и размеренно запел:

— Встретимся мы,
В ясный полдень весны,
Пусть не знаю я где, и когда...
Ты улыбнись,
Не смотря ни на что
Тучи в синем небе разогнать сумей.

Эта песня могла многое сказать. И немного поднять дух маленького мальчика, который последовал примеру родителей, и ушёл на сборы. Он думал тогда, что не будет брать много вещей, ибо когда-нибудь они вернуться домой. Как он ошибался в тот момент...

Глава 3

Сентябрь 1976

Сменив цветы на могиле, Вирджиния оставалась стоять там, и молча смотреть на могильную плиту своего отца. Сегодня ему могло исполниться тридцать восемь лет, но увы, ему навсегда останется тридцать два. Солнце медленно поднималось над горизонтом, заливая кладбище мягким золотистым светом. Вирджиния глубоко вздохнула, позволяя себе погрузиться в воспоминания о тех днях, когда его голос ещё звучал в их доме. Она помнила, как он смеялся, вытаскивая её на морозный воздух, чтобы полюбоваться падающим снегом. В душе у неё сжималось от тоски — радость смешивалась с горечью утраты, оставляя лишь одинокий след.

Вирдж тяжело выдохнула, когда послышались звуки шагов. Это уж точно не мать, которая предпочитает какую-то деловую встречу, вместо покойного супруга. Это оказался Дэйв, который был знаком с девушкой дольше остальных, и знал её отца ещё при жизни. Он принёс на могилку хризантемы, в букете из двенадцати цветков. Хотя покойник любил многие цветы.

— Привет, — тихо сказал он, а потом поставил цветы в небольшое отверстие в земле, специально предназначенное для подобного, и встал рядом. — Она не решила придти даже сейчас?

Вирдж отрицательно покачала головой.

— Это вполне ожидаемо от Люси.

Она практически перестала называть эту женщину матерью ещё года два назад. Семья официально прекратила своё существование практически семь лет назад, будучи когда-то очень крепкой, и планирующей расширяться. Теперь же от любви и речи не было.

Дэйв приобнял подругу, ощущая, что это ей сейчас необходимо. Они молча смотрели на могильную плиту. Каркали вороны, а температура едва достигала десяти градусов тепла. Было пасмурно и, не считая криков ворон, тихо. А Дэйв решился заговорить.

— А помнишь, как мы прятались в его машине?

— Он прекрасно понимал, где мы прятались. Но решил подыграть, дабы нам не было обидно, — улыбнулась, вспоминая Вирдж. — Или как по выходным мы ходили вместе вместе на домашние распродажи у соседей? Папа был просто невыносимой баракхолкой, если честно.

— А на Хэллоуин, когда ты заболела ветрянкой, он покрасил тебя так, словно ты ходячий мертвец.

— Ооо. Я помню, как твоя мама испекла в тот день свой пирог, и он бы просто ужасен. Но папа его нахваливал, не желая обидеть.

— Ну не такой уж и ужасный, — пробурчал Дэйв, но тоже готов был смеяться.

— Твоей матери рядом нет. Можешь не стараться, — хмыкнула Вирдж.

Она снова посмотрела на могильную плиту. «Здесь покоится Даррен Эдвард Рид». Глаза защищало, но она лишь улыбнулась.

— С днём Рождения, пап. Спи спокойно.

Сначала она не обратила на это внимания, однако к ним приближался мужчина в темно-синей рубашке, на которой сверкала золотая пуговица в форме звезды. Его лицо скрывали круглые чёрные очки, непроницаемо заслоняющие его глаза от окружающих. Волосы у него были каштанового цвета и аккуратно зачёсаны назад. С широкой улыбкой, он подошёл ближе, и вдруг оставил на могиле букетик цветов. Ликорис, чёрную розу, нарцисс и обезьянью орхидею.

— Здравствуйте, молодые люди, и прошу прощения. Почитаю память старого знакомого, — говорил мужчина.

Вирджиния немного напряглась. Он ей не нравился.

— Вы его знали?

— О, он мне когда-то страшно помог. Я так понимаю, вы его дочурка? Ну просто копия.

— Пошли, Дэйв, — она потянула приятеля к выходу отсюда, не горя желанием больше общаться с этим странным человеком.

— До свиданья, — быстро попрощался юноша.

— Обожжёт, ох обожжёт, — напоследок незнакомец посмеялся, в сторону уходящей парочки, но даже и не посмотрел в их сторону. — Будет больно, Вирджиния!

Ей показались странными его слова, и одновременно пугающими, но она решила не обращать слишком много внимания на них. Какой-то сумасшедший, не более.

Распрощавшись с другом, Вирджиния дальше пошла уже своей дорогой. Уже несколько дней она не встречалась с Зерахом, и это наводило её на некоторые беспокойства. Не случилось ли с ним ничего страшного после того дня в кафе. Она ещё помнила как пройти к его дому, а потому минут за десять успешно до него добралась, постучав в двери. Ответа не было. Дверь заперта. Открыто было окно, которым грех было не воспользоваться. Но едва оказавшись внутри, она едва не решилась рассудка от увиденного: хозяин помещения стоит на стуле посреди полу мрачной комнаты. И лишь закричала.

— Срань божья!

Тот едва не рухнул, дёрнувшись.

— Ты чего орешь?!

— А чего ты так пугаешь?! — возмущалась от испуга Вирджиния. — Ты нормальный человек вообще? Твою мать, я прямо тут чуть не родила... Что ты вообще делаешь? Потеря работы - точно не повод!

— Лампочку менять?

Мужчина, стоя одной ногой на стуле, а другой на полу, смотрел на неё недоуменными, щенячьими глазами. Вирджинии оставалось лишь посмеяться, облегчённо выдыхая, понимая, что не так все и страшно здесь, а потом присаживаясь на подлокотник кресла, ждала, пока мужчина закончить с лампочкой. И рассматривала гостиную: небольшой тёмный диван, обшарпанный в некоторых местах, кофейный столик, само кресло, однотонные бежевые обои. На стене висела черно-белая фотография с маленьким Зерахом и его родителями, сделанную за год до депортации. Вирдж она привлекла.

— Ты такой миленький был в детстве, — с ухмылкой заметила она.

— Судя по тому, что двери заперты, ты проникла сюда через окно. — игнорируя данное утверждение, выдвинул Зерах, после чего спускаясь на пол. — И так, зачем пришла? Снова доклад?

— Да нет, я... Ты просто уже столько дней не появляешься в парке, — неловко говорила Вирдж.

— Я хоть и безработный, но точно не бомж, чтобы на скамейках в парке ночевать.

— А почему уволили хоть?

Зерах с серьёзным лицом медленно подошёл к окну и выглянул на улицу. За ним простирался привычный пейзаж: соседи, гуляющие с собаками, и пару школьников, вытирающих свои ранец от капель дождя. Он словно думал, как правильно ответить на данный вопрос. А затем выдохнул, и, подойдя к креслу, присел на другой подлокотник, но спиной к самой собеседнице. Выражение его лица стало ещё более тусклым.

— Знаешь, бывают в жизни моменты, когда ты не должен молча стоять и смотреть на то, как совершается что-то бесчеловечное. Меня выгнали не потому что я плохой работник. А потому что порядочный и справедливый,— из под свитера он извлёк серебряную цепочку, на которой было серебряное кольцо с голубым камнем, и посмотрел на него. — Подобное ты наблюдала тогда в кафе, и люди, готовые содрать с тебя кожу, не такого цвета как у тебя, практически везде.

После он спрятал кольцо вновь.

Вирджиния помнила тот эпизод. Зерах защитил бедного парня, но ничего не говоря, молча тогда ушёл. Мексиканец иногда заходил после этого, в надежде увидеть своего спасителя вновь, и отблагодарить. Но никак не выходило.

— Нашему учителю по истории нужен помощник, — вдруг заговорила Вирдж. — Скажем так, я могу помочь тебе в твоей проблеме, обсудив с ним это. Услуга за услугу.

— Я подумаю, — Ривман обернулся к ней. — Кстати, тебя родители искать не будут?

— Моя мать торчит на работе круглые сутки. Ей стало совершенно наплевать на меня.

— А отец?

Но ответить на вопрос она так и не смогла, так как в ту секунду, в сумке, зазвонил телефон. Она ответила на данный звонок. Разговор с матерью - это последнее, что она бы хотела делать сегодня. И поэтому, заканчивала она его на повышенных тонах.

— Знаешь, Люси, ты чертова лицемерка! Ты даже забыла о том, что сегодня мог быть день Рождения моего папы! Лучше бы вместо него там была ты!

Закончился он едва ли не плачем со стороны Вирджинии. Она бросила телефон в сторону, и, стоя посреди комнаты, посмотрела на опешившего мужчину. Губы дрожали, а на глазах были едва заметные слезы. Сейчас перед ним была лишь маленькая, позабытая всеми вокруг девочка, а не проблемный подросток.

— Сегодня день Рождения моего отца, а эта пародия на маму даже не пришла. Прямо как тогда, когда его отключили от аппарата жизнеобеспечения. Какая-то сволочь когда-то сбила его на машине...

— Я сожалею

Искренне прошептал Зерах. Мужчина хотел сделать что-то ещё, лишь как-то её утешить, но лишь набрал стакан воды, и протянул ей. А сам невольно вспоминал похожую историю. Он сейчас её понимал...

***

Июль 1943

Сегодня маленькому Зераху исполнилось одиннадцать лет. Однако он вынужден отмечать уже вторую дату без торта, без подарков и без родителей, находясь при этом в самом ужасном месте, которое когда-либо могло быть создано человеком, чтобы умерщвлять других людей - концентрационный лагерь «Аушвиц».

Первое что увидел он при прибытии - это «Ворота смерти», уже со внутренней стороны, а после их начинали делить на четыре группы. Те, кто входил в первую, а именно не пригодные к работе сразу же отправлялись в газовые камеры в течение нескольких часов, а именно старики, многие женщины, инвалиды и маленькие дети. Зерах чудом смог этого избежать, из-за связи в виде Гофмана. Следующая группа отправлялась на работы с невыносимыми условиями и дальнейшими издевательствами. Кто мог больше работать - вполне могли умертвить любыми доступными способами. И именно в этот момент семья Ривман разделилась, так как отца семейства отправили во вторую группу. Однако он был убит через семь месяцев, после прибытия, в газовой камере. Ещё одна группа, состоящая в основном из карликов и близнецов, отправлялась в руки Йозафа Менгеле, который любил жестокие эксперименты над людьми, и был прозван «Ангелом Смерти». Последняя группа же состояла из женщин, прислуживающих нацистов, и носящих название «Канада», что было выбрано как насмешка над поляками-заклочёнными, так как они раньше присылали своим родственникам подарки из Канады.

Судьба детей тут тоже была кошмарной. До мая 1943 года все новорожденные в лагере становились жертвами: их утопливали в бочках. В мае того же года светловолосых и голубоглазых детей изымали из объятий матерей и отправляли в Германию с целью денационализации. Судьба остальных детей была ещё более трагичной: они умирали мучительной, голодной

смертью. Их кожа становилась такой же тонкой, как пергамент, а под ней просвечивали сухожилия, кровеносные сосуды и кости.

За год пребывания в этом месте, мальчик изучил его и понял, что сбежать отсюда получится лишь через трубу крематория. Но его пока данная участь избегает.

Зерах посмотрел на свой номер, «12464», который был буквально вырезан на обратной стороне его руки, пока думал о всем, что произошло. Данные номера носили все заключённые.

— Маленькая еврейская крыса!

Он вздрогнул от данного обращения. Кроме него, в бараке больше таких не было, да и давно стало понятно, что так называли именно его. Гофман стоял у входа в барак, ледяным взглядом разглядывая заключённых.

— Живо ко мне!

Он уловил взглядом мальчика и приказал подойти. Тот послушался, и надзиратель потащил его за рукав куда-то из места пребывания других заключённых, а так же посторонних глаз. Не так давно Гофман стал надзирателем в данном лагере, напросившись о переводе. Связи установились хорошие. Но естественно, это все было ради собственных целей. И когда они оказались одни, то мужчина перестал играть роль жестокого нациста, немного смягчив взгляд.

— Не больно?

Он намекал на руку за которую тянул. Мальчик повёл плечом.

— Нет... Альфред, зачем ты меня позвал?

Тот задумался.

— Давай тогда не здесь.

И Зерах уже добровольно последовал за ним вплоть до части, в которой находится кухня, и где на удачу, в данное время никого не было. Те, кто должны были готовить и убираться должны будут придти в районе обеда. Большая часть кухонной утвари была отобрана у жителей ближайшей польской деревни.

— С днём Рождения, малыш.

Первое что услыша Зерах, при попадании в данное помещение. Альфред протянул ему маленькую коробочку, и тот, нерешительно, но взял её. Однако решил пока спрятать, дабы открыть в другом месте. Он вообще не ожидал поздравления, от чего пребывал в удивлении.

— Спасибо...

— На этом сюрпризы не кончились, — продолжил Гофман. — Думаю, что ты захочешь кое-кого увидеть... Отсюда будет удобнее это сделать.

Интерес возник сам по себе, после данных предложений. Зерах следовал за мужчиной, словно маленький щеночек, вплоть до забора из наэлектризованной проволоки, где на той стороне тощую, и такую же побритую, женскую фигуру. Черты лица оставались все такими же узнаваемыми, но вот огонёк в тёмных глазах окончательно погас. Мальчик бы бросился в объятия к женщине, не будь между ними проволоки.

— Има, — так он называл мать, едва ли не плача, когда застыл на мгновение. — Има! — бросился он ближе к ней. — Има... Абы больше нет. Он...

— Я знаю, милый, — хотя она и улыбалась, в голосе ощущалась эта эмоциональная разбитость. — Я знаю...

— Я так рад, что ты жива, има, — ему всё-таки удалось просунуть свою тонкую ручку к матери.

Та взяла её в свою невероятно тонкую и холодную ладонь. Другую же она сжала в кулак и хрипло закашляла. Если раньше выражение лица матери постоянно было уставшим и напряжённым, то теперь она была просто измучена всем этим заключением. Она буквально таяла на глазах. Мальчик постоянно видит вокруг себя такие лица, и уже успел привыкнуть, но когда это была мама - возникала тяжесть на душе.

— Ты получил моё кольцо?

Вдруг спросила она. Так вот, что находится в коробочке.

— Я сомневаюсь, что смогу это пережить...

Она вновь закашляла, прикрывая рот ладонью.

— Что? — сердце мальчика пропустило удар. — Има... Ты должна держаться... От пленного солдата, я слышал, что союзники разрушили железную дорогу противника. Победа может быть уже близко.

Это событие получило название «Рельсовая война», в которой был предложен план по уничтожению железных дорог одновременным массовым ударом, с целью тем самым сделать невозможным быстрое восстановление противником железнодорожных путей.

— Каждый говорит всякое, но не факт, что это может быть правдой, — возразила спокойным тоном Анаэль. — Зерах. мальчик мой, ты должен оставаться сильным. Ради нас с папой.

Она вновь закашлялась. Послышался недовольный возглас позади, со стороны женщины. Та оглянулась, но потом в последний раз посмотрела на своего сына.

— Я тебя люблю. Береги себя, мой сын...

— Има... Има подожди! — пытался окликнуть уходящую мать мальчик, из чьи глаз брызнули слезы. — Мама!

Воспоминания о том, как при выходе из поезда, его разлучили с отцом, которого он больше никогда не сможет увидеть, ещё были свежи, и пульсировали болезненной раной. Ночь. Холод. Лающие собаки и оружие в полумраке, озаренным лишь редким светом прожекторов, с места охраны, нацисты. И он, что пытался вырваться и побежать к отцу, надрывал глотку в крике. Теперь аналогичное происходило и с матерью.

— Мама!

Он почувствовал, как сердце сжалось в груди, но не мог угомониться. Внутри закипало нечто большее, чем страх — это была ярость, в которой смешивались потеря и надежда. Он прижал ладонь к проволоке, словно мог преодолеть преграду, если сильно постарается. На другой стороне, стараясь сохранить самообладание, она снова засмеялась.

— Я вернусь, Зерах. Обещаю. Ты должен ждать. Ты должен быть смелым, как твой отец. Он бы гордился тобой.

Он просто кивнул, сжимая зубы, чтобы не разрыдаться. Мама всегда знала, что сказать, чтобы утешить. Но в глубине души он понимал, что эти слова лишь временная пелена на его ранах. Взгляд его блуждал по шершавой поверхности проволоки. Он хотел закричать, закричать так, чтобы весь мир услышал их горечь.

Глава 4

Сентябрь 1976

— Ну и долго мне тебя ожидать?!

Взрослая женщина тридцати лет в деловом костюме, и короткими каштановыми волосами, как могла торопила свою дочь. Если Люси Рид когда-то и бывала дома, то либо для того, чтобы отойти ко сну, либо чтобы почитать новые нотации для дочери. Или, как сейчас, контролировать её действия при выборе правильной одежды.

— Я не виновата, что ты взяла платье не по моему размеру, Люси! — недовольный возглас из комнаты Вирджинии, говорил о том, что она отчаянно пыталась застегнуть тёмно-зелёное платье до колен.

— Меньше надо было есть всякую дрянь!

— Тот же вопрос про тебя, при отношении с любовниками...

— Что? Что ты там сказала?

— Старость не радость, матушка, да?

— Ты ещё поерничай мне тут! Сама таскаешься везде, и ешь всякую дрянь!

— Ну так будь хорошей матерью хотя бы раз в жизни, и приготовь что-нибудь!

— Не маленькая. Самой пора.

Звук молнии.

— О, застегнулось.

— Слава Богу. А то мы уже опаздываем.

— Я, кстати, пригласила своих друзей. Надеюсь, что никаких возражений по данному поводу не будет.

Вирджиния взяла из комнаты, и взяла предложенный матерью клатч. Попутно выдержав небольшое пристукивание по спине, дабы та не горбатилась. Оставаясь в нейтральных отношениях, они обе сели в машину, в которой пол пути звучала «Богемская рапсодия». Данная песня, а в особенности группа, сейчас на пике своей популярности. Вирдж нравилась музыка, да. Но ей не нравилось уже все слишком заезженное, ибо сразу терялся весь интерес.

Когда они подъехали к огромному зданию с белоснежными колоннами, Вирджиния хмыкнула. Роскошное празднество. Как же без него.

Величественный общий зал был искусно оформлен, создавая атмосферу изысканного уюта. Высокие потолки, украшенные лепниной и хрустальными люстрами, излучали мягкий свет, который нежно подчёркивал золотистые и пурпурные акценты интерьера. Гладкие мраморные полы отражали игру света, словно приглашая гостей погрузиться в этот мир роскоши.

В самом центре зала располагались элегантные столы, устланные белоснежными скатертями и изысканными кристальными столовыми приборами. Цветочные композиции из редких орхидей и экзотических растений приносили свежесть и аромат, создавая гармоничное единство с великолепием помещения.

Гости в вечерних нарядах и смокингах уверенно перемещались по залу, наполняя его живыми разговорами и искренним смехом. Музыка, исполняемая струнным квартетом, создавала незабываемый фон для увлекательных бесед и обмена любезностями. В каждом уголке ощущалась энергия, обещающая незабываемую ночь, полную общения, искусства и изысканного мира светской жизни.

— Меня сейчас вырвет, — констатировала, с каменным лицом, Вирдж.

Первым, кого она заметила среди гостей, был Дэйв, который вёл за собой Холли. Нежные и розовые цвета - таковой всегда была последняя, дочь киноактрисы и бухгалтера, вне зависимости от мероприятия. А где-то у столиков уже обедал Джек, которому не важно где находится, лишь бы там была бесплатная еда.

— Подруга, ну как Голливуд? — после объятий, спросила Вирдж, у одной из её друзей. — Стала знаменитостью? А то мало ли, общаюсь с будущей звездой...

— Брось. Я играла лишь фоновую роль, однажды. В пять лет, — скромно улыбнулась Холли, а после лукаво прошептала. — Джек что-то про меня спрашивал?

— А что, он тебе интересен? — так же лукаво улыбнулась Вирджиния.

— У девушек должны быть свои принципы. А значит, он сам должен меня добиваться, раз он у нас мужчина, — неопределённо, но хихикнув, заключила Холли. — Кстати, Ирма ещё не приходила?

— Ты же в курсе, что она не любит подобные мероприятия.

Она приглашала её, но та отказывалась.

— Как смотришь на то, чтобы на выходных сходить в кино? Недавно вышел фильм «Причастие». Страшный ужастик, говорят.

— Было бы славно

Сама же Вирджиния высматривала последнего приглашённого. Он скромно стоял в сторонке, а потом неловко улыбнулся и, чуть помахал, когда его заметили. Вирджиния подошла к нему, взяла за руку и потянула за собой, под вопросительные взгляды её друзей. Ее мать уже выпила в компании двух других богатых снобов, когда её дочь, и незнакомый взрослый мужчина подошли к ней.

— Мам, знакомься - мой парень Зерах.

У всех была разная реакция на подобное признание: два сноба искали выпавшие, у одного из которых явно вставные уже, челюсти; Люси обрызгала шампанским одного из них, покуда глаза её стали равны размеру футбольного мяча; а Зерах, по реакции, был где-то между ними, окаменев и проглотив свой язык. Добивал их и лёгкий поцелуй, которым молодая девушка наградила мужчину. Люси пыталась что-то возразить по данному поводу, но выдавала лишь нечленораздельные звуки, но Вирджиния самодовольно улыбнулась, и беря мужчину под руку, стала удаляться с ним от компании.

— Так... Это сейчас что было? — недоумевал сам Зерах, пока его спутница едва ли не задыхалась от смеха, в попытках его удержать.

— Прости. Это дабы Люси позлить.

Утолить своё любопытство решили и друзья девушки, налетевшие как коршуны на добычу.

— Кто это? Ну ты даёшь, конечно.. — присвистнул Джек.

— А... Это разве не помощник мистера Уильямса? — прищурился Дэйв.

— Ох, подруга, не знала, что тебя потянуло на более зрелые плоды, — усмехнулась Холли, оценивающе разглядывая смущающегося мужчину. — Хотя признаю, симпатичный...

— Наши отношения сугубо товарищеско-деловые, особенно когда он теперь работает у нас в школе, — проговорила самодовольно Вирджиния. — Ведь я теперь без проблем смогу отсутствовать на уроках, так ведь?

— Нет, — твердо отрезал Зерах.

— Пригрела змею на груди, — пробурчала недовольно Вирдж.

Время текло незаметно. Пока старшее поколение занималось своими светскими делами, молодёжь веселилась, смеялась и позволяла себе пару бокальчиков игристого. Все шло идеально, и даже Зерах позволил себе немного расслабиться, соизволив потом выйти и подышать свежим воздухом. Весёлый настрой продолжался до тех пор, пока Дэйв, поскользнувшись, не схватился за один из флагов, весящих на стенах, и не сорвал его, обнажив под ним совершенно другой флаг.

Вроде и флаг Америки, но с красными и чёрными треугольниками сверху и снизу. А так же увидел то, от чего моментально начал трезветь, приходя в состояние шока.

— Вирдж! Вирджиния!

Он нашёл её там же, где и двух других друзей.

— Дэйв? Что случилось? — она заметила на его лице беспокойство.

— Ребят... Кажется мы угодили на нацистскую вечеринку. Под флагами спрятано кое что другое.

— О Боже...

В этот момент и она впала в ступор, осознавая, что наделала. Она попала в улей с осами, которые в отношении не таких как чистокровные белые жители, будут куда опаснее обычных насекомых. И она привела сюда того, кого они смогут разорвать при большом желании и малых свидетелях. Она бросилась на поиски Зераха, бегая с места на место.

— Вирдж?

— Ребята, нам нужно найти Зераха. Он же еврей, а тут это все...

Как повезло, что она быстро его обнаружила, заходящего внутрь со внутренней стороны двора. Она, с тревогой на лице, быстро подходила к нему, когда внезапно на балконе, куда вели две лестницы, показалась Ирма, облитая красной краской и с плакатом, где был перечёркнутый знак нацистов.

— Убийцы! Вы все здесь убийцы! — заявила она с такой яростью, которая удивила даже её друзей. — Я знаю кто вы, и вы потомки тех, кто массово убивал людей! Вы пируете, танцуете, и просто стоите в их крови! — она сорвала со стены позади себя флаг, тем самым открывая истинный - «Национал-социалистического движения». — Вы - нацисты! Каждый из вас!

Кто-то шокировано ахнул от таких заявлений. Зерах смотрел на это с широко раскрытыми глазами, а потом перевёл взгляд на Вирджинию, которой хотелось отрицать свою причастность к этому. В ушах зазвенело, а сердце начало биться чаще, от чего дышать стало труднее. Когда он отступал назад, все перед глазами плыло и смешивалось. Он как можно быстрее старался уйти отсюда, пока перед глазами всплывали плохие ассоциации: зал заливался кровью, в которую он наступал, слышались крики и стоны узников и звучала немецкая весёлая музыка, от чего пришлось зажать уши ладонями. Он уже был близок к выходу, когда перед глазами стало темнеть.

— Человеку плохо!

Слышал он где-то в отдалении...

Вирджинию переполняли эмоции. Причём не самые положительные. Но в первую очередь она была зла. Зла на свою мать.

— Как тебе вообще совести хватило?! Ты работаешь с нацистами!

— Они такие же клиенты, Вирджиния! Приходится работать и на такой род людей, что очень хорошо платит.

— Ах, то есть деньгами можно откупиться от совести! Класс! Спасибо, что помогла мне это понять, «мамуля»! Ненавижу тебя!

Это все стало очередным поводом для ссоры между матерью и дочерью. И явно теперь точно не на пустом месте. Ибо очередной бизнес-партнер её матери принадлежал к «Национал-социалистическому движению». Национал-социалистическое движение в США, известное также как Американская нацистская партия, возникло в первой половине двадцатого века, в контексте глобальных социальных и политических потрясений. Идеология движения, основанная на принципах расового превосходства и антисемитизма, находила отклик у небольших групп, обеспокоенных экономическими и культурными изменениями. В 1960-е и 70-е годы движение приобрело новую активность, пытаясь адаптироваться к современным условиям и привлечь внимание к своим взглядам через различные формы агитации.

Судя по некоторым флагам на стенах, это было устроенное именно для них мероприятие. Но их все прикрыли на случай попадания представителей закона.

Зерах обнаружил Вирджинию на балконе, когда окончательно пришёл в себя, отказываясь от посторонней помощи.

— Я не знала, с кем работает моя мать, — понимая, что это он, оправдывалась Вирджиния.

— Все в порядке. — говорил мужчина.

— Я и подумать не могла, что она докатится до такого! — а потом, выдохнув, она обняла свои собственные плечи. — Хотя о чем это я? Я тоже, однозначно, не хороший человек....

— И почему ты так решила? — спросил Зерах, подойдя ближе.

— А хорошие люди желают смерти своим родителям, какими бы мразями те ни были? — на данное заявление мужчина промолчал. — Вот. К тому же, это было, с моей стороны, мерзко приглашать тебя сюда. К тем, кто буквально вас уничтожал.

— Эй, ты не знала, — говоря мягким тоном голоса, он повернул девушку к себе. — Ясно? Уже здесь ты не должна себя считать плохой. Да и... Я сомневаюсь, что твоя мать пошла на это по своей воле. Порой обстоятельства вынуждают поступать так, как тебе этого не хочется. Даже если поступать плохо.

Зерах немного помолчал, его взгляд скользнул по звёздному небу.

— Мы все делаем выбор, — наконец сказал он. — Но бывает, что выбор не по нашей воле. Даже твоя мать, возможно, жертвует собой, чтобы выжить. Это не оправдывает её, но объясняет.

Вирджиния почувствовала, как её сердце немного оттаяло. Может, мир не так прост, как она всегда считала? Может, у них у всех есть свои демоны, и не каждый способен с ними справиться?

***

Октябрь 1940 - Июль 1943

Что значит быть хорошим человеком?

Этот вопрос может задавать себе каждый. И Альфред Гофман тоже не является исключением в данном вопросе.

Быть хорошим человеком — значит не только следовать моральным нормам, но и стремиться к внутреннему состраданию и пониманию. Это означает проявлять заботу о других, быть готовым прийти на помощь, когда это необходимо, и уметь слушать, а не просто слышать. Хороший человек не ищет выгоды в своих поступках, он действует из чистоты сердца, понимая, что каждый его шаг может повлиять на судьбы окружающих. Это умение прощать и принимать, даже когда это сложно. Это стремление быть честным, даже если правда может навредить.

Быть хорошим человеком — значит учиться на своих ошибках, признавая свою уязвимость и открытость. Это постоянный путь самосовершенствования, в котором важно сохранять верность своим принципам, даже когда мир вокруг меняется. Каждый акт доброты, даже самый малый, добавляет света в этот мир. Быть хорошим человеком — это не статус, а живой процесс, который отражает нашу искреннюю человечность.

В каждом из нас сосредоточены как плохие, так и хорошие стороны. Порой внутренний конфликт приводит к глубоким раздумьям о том, что означает эта формулировка «хороший».

Мы часто идеализируем понятие «хорошести», ассоциируя его с бескорыстием, милосердием и готовностью прийти на помощь. Но что если добрые намерения приводят к нежелательным последствиям? В таком случае, можно ли считать человека хорошим, если его действия причиняют страдания другим? Альфред считает, что тёмная сторона - это не всегда зло, а порой защита собственных интересов или отстаивание принципов.

— Альфи, милый, подойти сюда.

Это было ещё до того, как людей стали десятками отправлять на тяжёлые работы с невыносимыми условиями. Женщина почтенного возраста в дорогом золотом, сверкающем платье с мехами на плечах, пока светловолосую голову украшали перья, подозвала статного мужчину,

завидного жениха, и своего сына, к себе. Госпожа Урсула Гофман с самого начала возлагала большие надежды на собственное чадо, стараясь всеми силами оградить его от общения с «неарийцами». Однако и тут она смогла просчитаться.

— Матушка, ты что-то хотела? — заложив руки за спину, Альфред подошёл к ней. Естественно, прерывая беседы с собравшимися на вечере гостями.

— Ох, дорогой, какой же ты красивый в этой парадной форме, — свободной об бокала рукой, Урсула взяла его под локоть. — Ты же помнишь семью Шефер, милый? Карин очень милая девушка, и давно мечтает с тобой познакомиться поближе...

— Матушка, я же говорил по этому поводу, что сейчас брак мне не нужен, — выдохнул, понимая, к чему идёт данный разговор, Альфред. — Может после войны...

— А может ему по душе больше русские девицы? Говорят, они больше способны рожать, — вмешался в разговор отец семейства, Клаус, смеясь.

Альфред поше в него внешне больше, чем он думал, за исключением усов.

— Отец.

Разговоры о женитьбе всплывали раз в несколько месяцев, которые Альфред проводил в доме своих родителей. Но вот к девушкам интереса он никогда не проявлял. Впрочем, как и к политической и светской жизни. Однако если ты попал в нацистское окружение, пусть и без собственной воли, то выбора то у тебя и не должно быть. Играй порученную роль, чтобы однажды не оказаться среди тех, кого гонят.

С не самым заинтересованным видом, он слушал, как некоторые собравшиеся вокруг последователя фюрера, открыто выражают своё одобрение к идее о чистоте нации. Его отец был тоже там и охотно помогал с производством оружия для противостояния с врагами Рейха. Потом Альфред взглянул на портрет самого лидера нацистского движения, который его родители демонстративно повесили на самое видное место. Конечно, жизнь немцев значительно улучшилась с приходом к власти данного человека. Но этого нельзя сказать о жителях других стран. Альфред это понимал. И, пока никто не видел, пририсовал фюреру большой нос, ещё более пышные, но закруглённые усы, пиратскую повязку и приписал оскорбительную надпись. И это все с помощью раздавленной чёрной икры и соусов. Довольный своей работой, он направился к гостям.

Он не смотрел на официанта, пока брал бокал шампанского, в тот момент, когда к нему подошла его мать, так же взявшая бокал.

— Все проходит просто чудесно... Кстати, у нас новая обслуга, — женщина улыбалась, но в этой улыбке не было ничего хорошо. Она скрывала самодовольство и превосходство.

Альфред это понял, когда увидел в качестве прислуги Натана и опешил.

— Надеюсь Вы довольны, госпожа Гофман? — любезно улыбнулся прислуживающий еврей, не смотря на то, что прекрасно понимал своё положение.

— Знай своё место, еврей. Кроме нас, тебе за работу больше никто не заплатит...

Он лишь поклонился, ненадолго пересекаясь взглядом с Альфредом, а потом отправился дальше обслуживать гостей. Тот кто раньше был гостем в этом доме теперь едва ли не раб. Правда пока оплачиваемый.

— Ты ведь специально его сюда позвала, не так ли? — с подозрением взглянул он на свою мать, что лишь невинно хихикнула.

— Просто я хочу, чтобы ты понимал что к чему идёт: ты - истинный ариец, — Урсула поправляла галстук сына, не отводя взгляда от его глаз. — С превосходной генетикой и блестящим будущим. А он, — она указала взглядом на блуждающего по помещению Натана. — Представитель низшей расы, которую постепенно от нас ограждают. Паразиты, виновные во всех наших бедах.

— Как то, что человек еврей, может быть причиной наших бед? — нахмурившись, не впервые задал данный вопрос мужчина. — Может быть дело в правительстве?

— Осторожнее, Альфи, — она потуже затянула галстук, пока тон её голоса приобретал стальные нотки. — Не решай нашу семью перспективного наследника.

— Придётся терпеть меня такого, — ощутив небольшое удушье, он убрал руки матери от своего галстука. — Староваты Вы стали для нового наследника, матушка.

Они пилили друг друга взглядами, пока их не привлекло внимание другое событие: один из гостей взял бокал шампанского с подноса и выплеснул его в лицо Натана, обсыпав ругательствами. Альфред хотел сорваться с места и вступить за друга, но не смог. Одно дело - ходить по тонкому льду во время спора с матерью, где она все равно окажется победителем, а другое - пойти против влиятельных соратников. Потому он молча стоял и смотрел на то, как пьяного мужчину успокаивают другие, а Натан приносит свои извинения.

Уже только оставшись наедине, Гофман принёс то, чем можно вытереть лицо.

— Я конечно хотел попробовать дорогой алкоголь, но не таким же способом, — усмехался Нат, вытирая лицо.

— Ты ещё и извинялся перед этой свиньёй... — пробурчал недовольно Альфред. — Я бы на твоём месте точно ему бы врезал.

— Насилием проблемы не решишь, а лишь заработаешь их, мой друг.

— Иногда от твоей оптимизма аж тошно становится.

— Я тоже тебя люблю, Альф.

Но тот ничего не ответил. Они стояли на улице, смотря на ночное небо. Многие гости к тому времени уже начинали расходиться. Стоял тёплый июнь.

— Как думаешь, война скоро закончится? — вдруг решил спросить Натан.

— Без понятия... Отец рассказывал, что уже захватили Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург и нанесли поражение Франции. А в планах у фюрера давно уже Советский союз.

Натан фыркнул.

— Ну удачи им...

— Ты так веришь, что они смог победить? Рейх лишь за несколько месяцев захватил практически всю Европу, — напомнил Альфред, недоумевая насчёт уверенности друга.

— Ты их размер страны на карте видел? Там больше людей, да и там есть горы, а в горах сложнее вести боевые действия.

У него имелся небольшой военный опыт, учитывая что оба служили. Но вот после нескольких военных операций, Натан никогда больше не пожелает взять в руки оружия и кого-то убить.

— Ну посмотрим.... — выдохнул Альфред, понимая, что с ним спорить бесполезно.

— И всё-таки я не понимаю его в этом плане, — продолжил Натан. — Нездоровая одержимость целями никогда не приводит к счастливому концу. Зато оставляет за собой вереницу страданий, покалеченных чужих душ, или реки пролитой крови...

Альфред на это ничего не ответил. Лишь призадумался.

— Кстати, красиво оформил портрет фюрера. Изысканно.

— Я просто разбираюсь в искусстве.

В этот момент оба друга подавились смешками, понимая, что лучше будет не привлекать к себе лишнего внимания.

Каждый сталкивается с выбором, который может порой затмить внутренний свет. Быть хорошим человеком - значит принимать собственные недостатки, не отстраняться от своей мрачной сущности, а принимать их как часть целого.

И Альфред принимал. Первое время. Пока все не скатилось к чистому безумию...

Мужчин, женщин, стариков и детей гестапо выгоняли из их домов и насильно тащили в сторону грузовиков, куда впоследствии должны будут погружать. Альфред оказался здесь по воле судьбы, так как должен контролировать весь процесс. Дети плакали на руках у таких же

испуганных матерей, а тех, кто пытался сбежать, пристрелили на месте. Такое отношение и радикальные методы шокировали мужчину.

— Доложите о том, что происходит, — задал он вопрос рядовому.

— Мы ликвидируем это гетто. Поступил новый приказ по «окончательному вопросу».

Это напрягло Гофмана.

— Поясните, что вы имели ввиду...

— Фельдфебель, гер, вам не присылали данные? Командование дало приказ ликвидировать данное гетто и отправить всех евреев на вокзалы.

Мест в грузовиках не хватило на всех. Вместо того, чтобы попросить прислать ещё, в голову гестаповцам пришла идея получше: загнать оставшихся евреев в местную синагогу, запереть их там и поджечь её. Предсмертные, жуткие крики пробирали Гофмана до самых костей. А он опять ничего не сделал, чтобы это предотвратить. Хотя у него теперь есть полномочия, но видимо не достаточные, раз в этот же день он настоял о переводе в гестапо. Какое-то время, он делал все, что в его силах, дабы спасти от депортации хотя бы маленьких детей, которых разрешал прятать у друзей неевреев.

Когда пришли списки очередных арестантов, то в тот день Альфред едва не перестал дышать. В списке были все те, чьи документы он подделывал и тем самым позволял скрываться. Включая семью Ривманов, которых ему и поручили арестовать. Прямо ирония судьбы. Первоначально, он предупреждал их, чтобы они покинули город в течение двух недель, но, опять же, по странным стечением обстоятельств, у них это не вышло. Тогда он потребовал, в большей степени благодаря связям его отца, о переводе его на другое место работы - концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау.

Сидя среди пировавших сослуживцев, Альфред смотрел на свой бокал вина, а потом в направлении окна, за которым была тьма, но все равно можно было разглядеть голодающих и измученных узников, бродящих словно ожившие мертвецы в поисках съестного. У работников с каждым днём рождались все больше и больше способов замучить бедных людей до смерти: как например вчера несколько человек стояло на шипах, пронзающих кожу до костей, на их ступнях. И этим все не ограничилось, так как они должны были стоять так целые сутки, а кто упадёт - пристрелят, считая не годными для работы. Он видел, как измождённые узники из последних сил везли детские обнажённые трупы в направлении вырытой ямы. Как узники дрались между собой, валяясь на земле, словно животное, за брошенный охранником кусочек хлеба, что так и никому не достанется.

Гофман часто лицезрел ужасные вещи, но либо молчал, либо помогал коллегам. А сейчас эти изголодавшие бедные люди бродят по лагерю, пока они здесь пируют, громко слушая музыку и смеясь.

Не так давно, Альфреду удалось вынести один эклер для маленького мальчика, с чьим отцом он когда-то был лучшими друзьями. И которому обещал спасти самого мальчика от смерти. Да и сам мужчина понимал, что этот ребёнок слишком невинен для всего этого кошмара. Вместо того, чтобы съесть эклер, он отдал его другому голодающему заключённому, а именно женщине из «Канады», когда они случайно пересеклись.

За окном были узники, но и внутри тоже. Альфред тоже ощущал себя узником.

Узником своей роли чудовища.

— Я слышал, господа, что сегодня началось наше наступление на Курской дуге, — доложил один из высокопоставленных чинов. — Было принято назвать операцию «Цитадель».

— Русские часто дают отпор. Но надолго ли? — усмехнулся другой.

— Не стоит сомневаться, уважаемый, что победа будет за фюрером, — заключил, как отрезал, третий.

— Доброго вечера, господа.

В проёме помещения показался человек. Высокий и широкоплечий. Из под тёмного цилиндра видно пару тёмных, с сединой, кудрявых волос. Череп вытянутый, скулы острова-тые, нос идеальной формы. Глаз не было видно, так как они скрыты за черными, круглыми очками. Крепкий, статный мужчина неопределённого возраста, в дорогом тёмном пальто, что закреплено на груди пуговицей в виде золотой звезды. А его шею обвивала тёмная змея. Альфреду от чего-то стало не по себе, когда этот человек улыбнулся, прошёл, и сел недалеко от него. Тем более от него пахло серой и гниющей плотью.

— А-а-а, господин Тейфул, какая честь, что Вы решили сегодня нас почтить.

Видимо его тут все знали, раз даже комендант начал бляеть словно овечка, и никого больше не напряг столь неожиданный визит.

— Ну как, мои прогнозы на эти два года оказались верны? — спокойно поинтересовался господин, смотря на коменданта лагеря.

— Да, сэр.

Тот, удовлетворительно кивнув, достал коробку с сигарами и выудив одну, снова посмотрел на коменданта.

— Вы всем довольны, уважаемый комендант?

— Да, господин...

Тейфул, как его назвали в данном окружении, даже не используя спички или зажигалку, от коей, предложенной, молча отказался, зажёл сигару и медленно, невозмутимо закурил, положив ногу на ногу, и откинувшись на стуле. И только Альфред был удивлён тому, что увидел. Выпустив кольцо дыма, тем самым держа тишину больше полутора минут, он вдруг заговорил:

— Через двадцать дней свергнут Муссолини. А в октябре Италия объявит войну бывшему союзнику, то есть Нацистской Германии.

Вытянутые и побледневшие лица были обращены в сторону гостя. Его забавляла подобная реакция от тех, кто слишком много о себе возомнил. И только Альфред еще прибывал в недоумении.

— Что с лицами, господа? Всему рано или поздно приходит конец, даже войне.

— Откуда у Вас подобные сведения?

— Я знаю многое, господин Гофман, — на этом моменте, мужчине казалось, что его прожигают взглядом насквозь. А мерзкая ухмылка была словно подтверждением. — Я много знаю...

По спине Гофмана пробежали мурашки, а в горле застрял ком. Протянутые им последние слова имели истину: он может знать о его маленьком секрете, но почему-то ещё не говорить.

— Значит... Мы проиграем? — прерывая тишину, спросил один из персонала.

— Выиграете ли вы или проиграете - это будет точно известно на второй месяц зимы, через год, господа.

Гость потушил сигару о собственный большой палец, при этом оставаясь невозмутимым, и кидая последний взгляд на Альфреда, двинулся к выходу, оставляя людей шептаться в раздумьях. А один подчинённый думал над его словами, что были обращены в его сторону. А вдруг кто-то ещё может знать? Пострадать в первую очередь может невинный ребёнок.

Следующим утром Альфред забрал Зераха с работ и повёл за собой.

— Альфред, что происходит?

Но он не ответил до самых ворот, наконец останавливаясь. Как раз в этот момент прибыли поезда с новыми заключёнными.

— Значит так, — начал говорить невозмутимо мужчина, присев к мальчику на одно колено. — Сейчас тебе надо бежать. Смешаешься с толпой и запрыгнешь в поезд, что идёт до Берлина. В поезде передеваешься, чтобы звезды не было видно.

— Но... Но куда я пойду? Что мне тогда делать? — напуган был мальчик.

— Ищи улицу под названием Бернауэр-Штрассе.22. Там, на данный момент, живёт моя бабушка, — ответил мужчина.

— Но если она узнает, что я еврей? — опасался Зерах. — Что если меня найдут?

— Не найдут. И она... Она против всего, что творит фюрер.

Он помнил тот день, когда из-за выбора его и родителей, бабушка отреклась от них. Но даже если внука она теперь считает монстром, то помочь маленькому еврею всегда будет рада.

— Ну все, тебе пора.

— А что будет с тобой?

Альфред лишь улыбнулся.

— Ты так похож на своего отца.

Мальчик вдруг обнял его за шею, тем самым напоследок заключая в объятия. Гофман опешил, но потом прижал к себе мальчика, прикрывая глаза. На фоне раздавался лай собак и слышались яростные приказы. Зерах пустился бежать в сторону поезда, как просил его Альфред, но его схватил за руку солдат. План был под угрозой разрушения, и тогда Альфред без раздумий извлёк пистолет и выстрелил в руку своего сослуживца, тем самым спасая еврейского ребёнка. Этим поступком, он окончательно выбрал сторону, и подписал себе смертный приговор.

Его притащили к коменданту лагеря, поставив на колени. Из разбитого по подбородку стекла кровь. Волосы были растрёпаны, а губа так же кровоточила. Правый глаз заплыл.

— Ты правда думал, что за предательство себе подобных тебе ничего не будет?

Однако тот засмеялся, не сводя своего заплывшего взгляда с коменданта, что схватил его за волосы, и потянул, поднимая лицо вверх.

— Я никогда не буду такой тварью. Мальчишка был не первым, кому я помогал. Я подделывал документы десяткам евреев, я помог сбежать ещё нескольким. Но вы никогда их не найдёте. Никто из вас. Ибо эту информацию я унесу с собой в могилу.

Коменданта лишь хмыкнул, отпуская его. И дал приказ другим.

— Чтоб этот сученок к вечеру был мёртв.

Основная истина в том, что сущность человека не укладывается в рамки «хороший» или «плохой». И только тот, кто способен узреть человеческую природу, в этом запутанном паутинной мире, может осознать, что даже плохие люди могут носить в себе крупицу добра.

Альфред с детства помогал бабушке всем, чем только мог. Он слушался родителей во всем. Он никогда не отказывал людям в помощи. Однако сложные ситуации в жизни, например больной отец, вынудили его шагнуть в сторону зла. Но он смог осознать что это не выход, только жаль, что слишком поздно.

И стоя, избитым, перед его бывшими соратниками, с заведёнными за спину руками, он улыбался, понимая, что хоть кого-то ему удалось спасти. Хоть что-то наконец сделать правильно, пусть это и стоило ему жизни. Он закрыл глаза. Прозвучала череда выстрелов.

Глава 5

Сентябрь 1976

Зерах встретил Вирджинию на пороге своего дома. Причём не только её, но и сумку с вещами, и не пропустить внутрь столь обозлённую на мир юную особу было бы приравнено к подписанию смертного приговора.

— Отныне я живу у тебя, — заявила она.

— Не помню, чтобы принимал беженцев, — хмыкнул мужчина, держа в руках кружку с водой, и даже ещё находясь в сиреновом шелковом халате.

— Шло притеснение. Я думаю, поймёшь, что пришлось капитулировать.

— Ну и?

— Я не могу больше жить с этой женщиной.

— Говоришь прям как мой приёмный брат после третьего развода с одной и той же женщиной.

— Я сейчас серьёзно!

— А я тут тебе комик? Почему бы тебе просто не поговорить с матерью, без криков, взаимных оскорблений, выслушивая каждую сторону, и ведя тем самым себя как взрослые люди, а не две пятилетки?

— Ты вообще на чьей стороне?

— Здравому смыслу.

— Так, во-первых - она невыносимая гарпия, — Вирджиния все таки прошла внутрь, смотря умоляюще на мужчину. — А во-вторых, ты единственный, из моего окружения, чьего места жительства она не знает.

Зерах выдохнул.

— Все равно эта затея мне кажется неудачной, — настаивал он на своём, но выгонять на улицу бедную девушку было бы слишком жестоко с его стороны.

— Ты в моем возрасте вообще из дома не сбегал? — но увидев лишь хмурое выражение лица, лишь выдохнула, понимая, что ответ понятен. — Ладно, проехали, прилежный мальчик. Нам ещё завтра в школу: мне на занятия, а тебе помочь мистеру Уильямсу.

— Не знаю почему, но он меня напрягает, — подметил, нервно смеясь Зерах.

— Австрийские флэшбеки? — усмехнулась Вирдж, попутно начиная понимать, чем можно задеть, а чем нет. — В те дни, когда он делает зачём на бок, есть что-то похожее.

— Усатые мужики злые.

Вирдж посмеялась, но сама не поняла, что именно в этом её рассмешило. Проходя в гостиную, она вдруг заметила на диване книжку. Любопытство взяло в этот момент вверх, от чего она, и перевалившись через подлокотник, дотянулась до книги.

— «Леди Джен, или голубая цапля»? Серьёзно? — она глянула на Зераха. — Это разве не детская книжка?

— Я любил читать её в детстве, и вот спустя тридцать с лишним лет вновь на неё наткнулся, — с небольшой улыбкой ответил Зерах, и присев рядом с девушкой, взял книгу из её рук, перелистывая. — В ней рассказывается о девочке Джен, что волей судьбы остаётся сиротой, и она попадает в чужие края, к плохим людям. Но именно там она находит единственного друга - голубую цаплю Тони... Она, хотя бы, напоминает о времени, когда того кошмара ещё не было.

Интересно, как мало человеку необходимо для счастья. Иногда маленькое счастье проявляется в простых мелочах: уютные вечера за чтением книги, смех друзей, неожиданно полученное сообщение от человека, который дорог. Такие мгновения напоминают нам, что жизнь состоит из мелочей, и каждую из них стоит ценить.

Даже если несчастья затягивают в водоворот, нужно найти любую лазейку, любой комочек света, чтобы выбраться, и обрести своё счастье.

Зерах вдруг хлопнул в ладоши, тем самым выводя Вирджиния из мыслей, позитивно улыбаясь. Хотя глаза до сих пор были пустыми и холодными.

— Ладно. Ты голодна, может?

***

Странная, всё-таки, штука - жизнь. Вот сидишь пьёшь чай со своим новым, хоть и более взрослым другом, точнее он пьёт просто воду с сахаром, а через пару часов, ты неожиданно оказываешься на волос от смерти. В такие моменты, ты начинаешь ценить свою жизнь ещё больше. Ведь второго шанса может и не быть...

Это случилось ближе к одиннадцати часов дня. Ученики, тринадцать ребят, слушали учителя, пока его помощник сидел за столом и отвечал за документацию. Ничего не предвещало беды. Но когда стрелка оказалась на без десяти двенадцать, за пятнадцать минут до обеденного перерыва, в коридоре послышались крики учеников и звуки выстрелов, а в сам кабинет ворвались два вооружённых парня в чёрной одежде. А крики и стрельба в коридоре утихли через пол минуты. Никто не успел вовремя среагировать и понять, что происходит.

— Ни с места.

Приказал один из них, что начал обходить класс от одного конца до другого. Время вдруг перестало существовать. Ни Вирджиния, ни кто-либо ещё не понимал, что происходит, но выполняли приказ. Тот кто с красной банданой, обмотанной вокруг головы, по видимому главный, посмотрел на взрослую часть заложников.

— Кто из вас учитель?

— Я, — прежде чем оцепеневший от паники и ужаса мистер Уильямс открыл рот, послышался спокойный и собранный голос Зераха. — Можете объяснить, в чем дело?

На него направили автомат, заставляя женскую часть класса охнуть, а мужчина, соблюдая хладнокровие, медленно поднял ладони кверху. Рукава немного задралась, от чего едва можно было различить номер «12364». Но почти стёрся, со временем, но навсегда был вырезан на коже острой чернильницей. Удивленный захватчик опустил оружие.

— Так ты бывший узник? Ты такой же, как мы...

— Я ничего не имею общего с убийцами, как вы, — твердо заверил Ривман, опуская руки, но не сводя своего взора с преступника.

— Ты называешь убийцами нас, когда здесь учатся некоторые ученики последователей истинных убийц с символикой на плечах? Я не еврей, но им был мой отец Петер.

Зерах дёрнулся, припоминая это имя.

— Я знал как минимум двух Петеров.

Мужчина с красной банданой промолчал. Но не долго.

— Ты можешь убраться отсюда..

— Нет. Я не оставлю детей, — неожиданно ответил на это тот. — Дети не должны нести ответственности за грехи родителей.

— Не испытывай моё терпение, учитель, — уже более жёстко отозвался «бандана». — Тогда иди и сядь с ними, раз хочешь быть предателем.

— Может я и предаю вас, но я никогда не предаю себя.

Зерах действительно больше не стал испытывать их терпение, а просто прошёл по классу, и сел ближе к Вирджинии, её друзьям, и настоящему учителю. С этого момента, они стали заложниками.

Время тянулось очень медленно. У учеников чувство страха стало настолько сильным, что те по одному просить в туалет. Им удалось убедить их разрешить лишь одному человеку в полтора часа. Напротив школы собрались полиция, репортёры и обеспокоенные случившимся родители учеников. Сквозь створу в шторах, это заметил помощник бандановца: пухлый, с

азиатскими чертами лица, которые можно было рассмотреть, не смотря на закрытую маской половину лица. Он сообщил главному об этом.

— Ты, учитель, — он указал в сторону Зераха, и тот послушно встал, и без лишних слов подошёл к человеку с оружием за спиной. — Отнеси вот эту записку репортёрам. И если через пол часа не вернёшься - я возьму одного из этих мелких выроdkов, прострелю бошку, и выкину в окно, как предупреждение.

— Не беспокойся. Я вернусь.

Он это сказал, скорее, Вирджинии, краем глаза замечая эту тревогу на лице.

За время, проведённое с подобными людьми, он точно усвоил одно правило - слушаться. Можно и нужно оставаться спокойным, но не переходить границы дозволенного. Потому, беря записку, Зерах покинул класс, начиная идти по коридору, заодно обследуя обстановку. В коридоре лежало уже четверо человек, пульс которых мужчина решил проверить, приложив два пальца к шее. Трое однозначно были мертвы, а вот один, точнее одна, была ещё жива, тихо постанывая от боли. Два ранения, в бок и левое плечо, и это чудо, что пули смогли угодить именно так.

Зерах вновь осмотрелся. Тут должен быть ещё один стрелок, судя по обстановке. И он обнаружен был в соседнем кабинете, однако он находился, на удачу, в слепой зоне: кабинет расположен так, что двери выходят к лестничному пролёту. Значит нужно искать другой выход. Зерах помог подняться раненой, перекинув её руку себе через затылок, и повёл в другую сторону от данной лестницы.

— Все нормально. Просто скажи, где ещё тут лестница, — прошептал мужчина.

— По коридору... И на лево, — слабым голосом ответила та.

— Я тебя узнал. Ты была тогда на вечере, держа плакат, — решил как-то поддержать разговор он, дабы девушка не отключалась.

— Ирма, — представилась она. — Я немного опоздала на Ваш урок... Простите.

— Ничего. Ты только держись.

— А что с моими друзьями?

— Они в порядке. Все будет хорошо.

Он сам хотел бы в это верить, ибо понятия не имеет, что хотят эти парни. Спускаясь по лестнице, он заметил ещё одного, патрулирующего окрестность, когда едва не вышел с раненой девушкой ему навстречу. Темнокожий юноша повернул в другую сторону, а Зерах облегчённо выдохнул. До выхода оставалось совсем немного. Ирма ослабевала, но пыталась стоять на ногах.

— Я не могу...

— Ирма, тут близко. Ты должна.

— Мне страшно. Я хочу жить...

Стиснув зубы, Зерах подхватил её на руки, и едва ли не бегом оказался на улице. Полиция заметила их первыми, в то же время не пуская ни репортёров, ни родителей дальше жёлтой ленточки. Первым делом, Зерах передал раненую девушку полиции, дабы её передали в руки медикам.

— Что там происходит? — спросил один из представителей закона.

— Парни с автоматами. Они просили передать это, — Зерах достал записку и передал им, — Мне надо идти обратно.

Полицейский развернул записку, пока заложник возвращался обратно.

«Положен старт. Я рискую своей жизнью, и если все закончится, то только по моим правилам, и так, как я этого хочу. Лишь через убийство нацистских детей, я смогу затушить свою собственную боль. Сегодня в девять вечера все решится раз и навсегда. Этот кровавый суд станет искуплением за долгие годы моей глубокой скорби.»

Дэмар Бекер»

***

Время шло ближе к вечеру. Преступники постоянно сменяли друг друга, но неизменным оставалось одно - заложников не оставляли одних. А они же просто сидели у стен и молчали. В мёртвой тишине слышались лишь секундные стрелки на часах и чье-то тяжёлое дыхание. Холли, кажется, снова хотела впасть в истерику, но Джек как мог пытался её успокоить, прижимая к себе. Не стоило им рассказывать о трупах в коридоре.

— Как долго мы вообще тут будем сидеть? — шёпотом спросила у старших одна ученица.

— Нам нужно бежать. Когда тут будет всего один придурок, — тихо утвердила Вирдж.

— Это слишком рискованно, — осадил её Зерах, посмотрев потом на окна. — Однако кое-что все таки можно попытаться сделать.

Да, рискованно. Да, есть шанс погибнуть. Но ради детей стоит рискнуть.

Зерах осторожно поднялся с пола и подошёл к тому самому темнокожему парню с нижнего этажа. Тот и среагировать не успел, так как засмотрелся на некоторых учениц, как мужчина вывернул из его рук автомат, и вырубил того прикладом.

— Так, снимайте какую-то часть одежды, дабы связать её и вылезти через окно, — дал указание он остальным. — Живо!

Сейчас не до стеснений. Мужская часть решила взять на себя данную роль первой, снимая с себя верхнюю одежду, а потом подтянулась и женская, пока мистер Уильямс открывал само окно.

— Третий этаж, — заметил он.

— А там придурки с автоматами, — Зерах указал на двери. — Пока мы тут сидели, я все просчитал, и у нас минут двадцать, пока они снова не поменяются.

Особого выбора пока не было. Избавляясь от верхней одежды, они связали из неё канат, прибывая все это время в напряжённом состоянии, а потом спустили его из окна вниз. Он получился даже длиннее, чем планировалось. Один за другим ученики начали спускаться по нему как можно быстрее, тут же убегая, пока Зерах, с автоматом в руках, стоял на стрёме, прислушиваясь к звукам. Но он до сих пор был собран и спокоен даже в стрессовой ситуации.

Соседняя дверь в другом кабинете открылась, от чего Зерах посмотрел на полуголых Вирджинию, Дэйва и Джека.

— Они идут. Поторопитесь.

Девушку пустили первой. Но она угодила на второй этаж, когда в спешке раскачалась, и разбив собой окно, получила несколько порезов. Это заметил Джек.

— Она угодила на второй этаж.

— Черт.

Зерах, понимая, что они теперь справятся сами, выбежал через дверь, держа оружие в руках, на случай самообороны, и бросился к лестнице. Не стоит забывать о возможном патрульном, и их действительно может быть больше. А так же то, что они могли услышать шум и найти Вирджинию первыми. Осматривая кабинеты на втором этаже, Зерах наткнулся на ещё одного стрелка. Того самого мексиканца из кафе. Но тот опустил оружие, давая тому идти своей дорогой. Услуга за услугу. Он не стал долго тянуть с тем, чтобы убраться от него подальше.

Ривман обнаружил ученицу в кабинете анатомии, где она аккуратно извлекла пару осколков из ран.

— На это нет времени. Надо бежать. Идти сможешь?

На вопрос она кивнула положительно, поднимаясь с пола. Зерах взял её за руку, быстро передвигаясь впереди, дабы защитить её от опасности. Пока они шли, Вирджиния перебрала столько вариантов развития в голове, а так же сотню разных мыслей, в особенности связанных с её матерью. Знает ли она? Переживает?

— Зерах, а... Мою мать ты тогда на улице не заметил? — решила уточнить она.

— Я не разглядел. Но уверен, что она, как и любая мать, волнуется за тебя.

Довольно сухой и туманный ответ. Но она надеялась. Что её мать все же там.

Ближе к выходу пришлось сорваться на бег. Нынешняя реальность, в голове Зераха, смешивалась с прошлой. Лай собак, выстрелы и дождь. Да, тогда был дождь. Из мыслей его выбил звук выстрела и резкая боль в спине. В ушах зазвенело, когда ноги стали подкашиваться. Он не слышал, что кричала Вирджиния, но видел ее испуганное выражение лица. Но мужчина не желал сдаваться, даже когда прозвучал второй выстрел. Он защищал девушку рядом, проталкивая её к двери, а сам упал на колени, увидев лишь ослепляющий свет, который становился все ярче.

Дальнейшие события он видел лишь короткими отрывками: то как на руках выполз из школы, как его доставили к врачам, и больничный коридор. А там наступила темнота и неожиданное облегчение. Многие говорят про свет в конце тоннеля, но Зерах видел лишь пустоту. Но после в этой пустоте загорелась золотая звёздочка. Он подошёл к этой звезде, желая почему-то взять её в руки. Что-то родное и знакомое в ней было. Яркий свет загоревшейся звезды ослепил мужчину, заставляя резко проснуться.

— Зерах?

На стуле рядом с ним сидела Вирджиния.

— Что... произошло? — ещё не отойдя полностью от наркоза, спросил Зерах.

— Тебя ранили. Одна пуля повредила то, что, вроде как, отвечала за головную часть, — начала рассказывать Вирдж. — Но чудо, что вы вообще смог остаться нормальным после такого. Стрелков, по крайней мере трёх, арестовали, а остальные, включая «бандану», самоубились.

— Вот как... — Зерах от чего-то был немного огорчён подобным, не смотря на то, что произошло.

— Ты был в отключке почти четыре дня.

— Как другие?

Вирдж усмехнулась. Его беспокоило состояние других, больше, чем его собственное.

— В порядке. Мы живы лишь благодаря тебе...

Тот, однако, промолчал, отводя взгляд.

— Вирдж.

— Да?

— Я уволюсь из школы.

И оба посмеялись на данную тему.

***

Ноябрь 1943 - Март 1944

Ветки царапали кожу на руках и лице, но это не имело значение, когда надо спасать собственную жизнь. Зерах бежал по лестной местности не разбирая дороги, а лишь в надежде на то, что его не смогут поймать. Сердце бешено стучало, и это отдавало в виски. Внезапно он споткнулся о камень и покатился вниз, прямо в неглубокий ров, испачкав полосатую одежду и отросшие заново, но ещё очень короткие, волосы. Шел дождь и слушался раскат грома, которые заглушили плач маленького мальчика, что остался лежать на земле, прижав колени к груди. В грязи. Неизвестно где. И совершенно одинокий. Все эти дни, весь этот год с лишним, он ощущал себя как Джейн из его любимой книги. Правда, если у Джейн была голубая цапля, то у Зераха не было никого. Он один...

Пока он ехал в поезде из Аушвица, то проходили дни и ночи, в вагоне, набитом евреями, часть из которых не выдержала, и покинула этот мир. Было темно и жутко воняло трупным запахом. Вдруг что-то пошло не так, взрыв внизу и резкий толчок, от чего поезд слетел

с пути, перевернувшись на бок. Из-за темноты было ничего не видно, но когда свет всё-таки проявился, то легче от этого не стало.

Трупы.

Много трупов.

Зерах выбрался из под трупного завала, будучи в чужой крови, и увидел вокруг себя лишь мёртвых людей. Остекленевшие глаза смотрели вверх или в бок, рты открыты в застывшем крике ужаса. Как оказалось, путь был заминирован, и узников использовали как способ обезвреживания. Выживших в итоге заставили идти дальше уже пешком, а кто не мог, того убивали без разговоров. Жуткая усталость охватила не евшего и не спавшего уже несколько дней мальчика, но он продолжал идти. Всю дорогу он прокручивал у себя в голове адрес, куда нужно было идти.

Но какое отчаяние охватило ребёнка, когда ему теперь пришлось переживать тот же ужас вновь. Над входом висела табличка с надписью «Майденак». Он смог продержаться тут ещё четыре месяца адских условий. От голода приходилось есть все, что угодно, включая трупы других узников. Из обязанностей тут не было ничего нового. Заключённые лагеря занимались принудительным трудом на собственных производствах, на фабрике по производству обмундирования и оружейном заводе «Штейер-Даймер-Пух».

В конце концов, на очередном построении, однажды утром, Зерах не выдержал и сорвался с гневными криками на одного из солдат. Он кричал, напрыгивая, вцепившись него, вырывал волосы и царапал, пока его не отпихнули назад, ударив прикладом ружья в живот, от чего тот отскочил, сгибаясь.

— Сволочи! Ублюдки! Да чтоб вас все-..

Следующий удар пришёлся на лицо, от чего мальчик едва не упал, пошатнувшись, но выдержал, пока нацисты смеялись. Мальчик непоколебимо и с холодной злобой смотрел на них, пока тот, в кого он ранее вцепился, прицелился ружьём прямо в его лоб. Он больше не позволял себе бояться их.

— Lisrof Vgihinom, khazirim, — прошипел с едва заметной ухмылкой мальчик так, чтобы его поняли только евреи.

Он ожидал, что его прикончат прямо сейчас, но над ним лишь посмеялись, избили и бросили в один из барачков, решая не акцентировать особого внимания. Мальчик долго лежал на земле, пока не услышал мужской, хриплый голос.

— Эй, пацан.

Он не понимал данного языка, но точно знал, что это не немецкий, что уже хорошо, и не польский, хотя что-то схожее имелось. Он научился различать некоторые слова. Присев, он глянул на вошедшего крупного мужчину со старыми шрамами на лице, абсолютно лысой головой и ухмылкой. Тут он присел на корточки и достал из-за пазухи спрятанный кусок ржаного хлеба, который протянул мальчику.

— Держи, — снова заговорил тот на непонятном языке.

— Не хочу, — это он смог понять по жестам, хрипло отказывая.

— А, немец, значит, — уже на немецком продолжил мужчина. — Правильно, что не доверяешь, но не доверять человеку в такой же пижаме - как-то не правильно, не думаешь?

Зерах немного подумал, и все же выхватил хлеб, начиная жадно есть. Но кусочек оставил, все же.

— Я Зерах.

Усмехнувшись, тот взял оставшийся кусочек.

— Юрий.

— Значит, вы русский?..

— Угодил сюда, дабы узнать, что тут творится, и изучить структуру.

— Лагерь как лагерь... От Аушвица не отличается.

— Бывал там?

Зерах лишь кивнул.

— Откуда знаете немецкий? — решил спросить, спустя пару минут, Зерах.

— Хочешь победить врага - знай его достаточно хорошо, — ответил тот, подмигивая мальчику. — А так ещё в школе учил, но даже не догадывался, что однажды он пригодится для военных целей.

Зерах узнал, что его новый собеседник участвовал в Первой мировой войне, и если в первый раз он был штурмовиком, то теперь является разведчиком. От того и шрамы на лице. Он так же рассказывал про атаку мертвецов. Данный инцидент получил название из-за окровавленного, похожего на труп, вида русских войск, после того, как немцы обстреляли их смесью отравляющих газов, хлора и брома. Кашляя кровью, русские закрывали лица тряпками, и шли в бой, сумев разгромить немецкие войска.

Зерах чётко представлял это: мёртвые воскресают и нападают на своих убийц, и от этого зрелища становится жутко.

— Юрий... А я, получается, тебе тоже враг, раз говорю по немецки, и родился в Германии? — вдруг спросил мальчик.

Солдат задумался.

— Солдат с детьми не воюет, — строго заключил он. — Да и к тому же, ты тоже стал жертвой этих сволочей.

— А ты знаешь, почему мы их жертвы?

Однако солдат лишь выдохнул и улёгся на деревянную лежанку. Мальчик залез к нему, ибо от него веяло чем-то тёплым и родным.

— Да черт его знает, что взбрело в голову этому усатому. Причём это касается обоих. Ни дети, ни старики, ни женщины не причастны к спорам двух безумных дядек на вершине.

— Усатые дяди злые.

— Хорошо я усы то сбрил.

Оба посмеялись над данными словами.

— А куда делись остальные? — вдруг спросил мальчик, поднимая голову, и замечая вокруг себя полупустой барак.

— Ушли рыть ямы. Но видно на этот раз нам повезло.

Мальчик и не заметил, как начал засыпать. Недостаток сна сказывается на его молодом организме. Юрий не стал его убирать, а лишь прижал к себе, и прикрыл глаза, так и оставаясь в таком положении до самой темноты. Пока не послышался тихий голосок юного Ривмана.

— Юрий?

— М?

— А у тебя есть семья?

— Дома ждёт меня доченька Катенька, да жена Надюшка. Вот вернусь с победой, дочка так гордится будет. А после поедем с ней на рыбалку карасей ловить.

— Никогда не был на рыбалке...

— Ты чего? Папка не водил? Ничего, сходите, дело житейское.

— Он умер.

— А мать?

— Тоже...

Юрий услышал всхлипы. А потом, подумав, выдохнул, и принял сидячее положение, смотря на мальчика.

— А давай к нам? — вдруг предложил он.

— В смысле? — не совсем понял Зерах.

— Ну, как это на вашем то... Когда сбежим, то пойдёшь со мной в Союз. Надьке передам тебя, русскому обучим и будешь с нами жить, — пояснил, для начала задумчиво потирая подбородок, Юрий.

— А у нас получится? — неуверенно протянул Зерах, не зная, что его больше удивляет: то, что его готовы взять к себе жить, или предложение о побеге.

— Завтра все уйдут снова копать. Никого не будет. Я, три поляка и четыре твоих соплеменника, придумали план. Надо бежать в сторону леса, когда ворота откроются, а именно утром. Вам пятерым будет легче выйти, просто следуя за другими, будто вы тоже идёте копать. А сами бегом оттуда... Ну, как? С нами?

Зерах заколебался, но потом, понимая, что это может быть единственным шансом выжить, отвечает:

— Я с вами.

Как и ожидалось, рано утром всех евреев подняли и повели за собой для продолжения работы. Будущие четыре беглеца, а именно Жан, Петер, Давид и Мочей шли рядом с мальчиком, готовясь в любой момент сорваться с места и бежать. Тягостное ожидание скорой свободы бурлило внутри всех пятёрки, но они как могли это скрывали.

— Раздевайтесь.

Когда они остановились у рва, примерно сто метров длинной, шесть метров шириной и три метра глубиной, то заиграла весёлая немецкая музыка, которую часто использовали для высмеивания самих нацистов и был отдан приказ. Пятёрка не спешила раздеваться, а напротив, осторожно отступала по одному. Далее раздевшимся до гола приказали лечь вдоль рва по «принципу черепицы».

— Что эти садисты задумали? — спрашивал шёпотом Жан.

— Вряд ли что-то хорошее, — настороженно пролепетал Давид. — Зерах, идём.

Каждый последующий заключенный ложился головой на спину предыдущего, а группа немецких солдат целенаправленно убивала их выстрелом в затылок. Ров наполнялся трупами. Играла весёлая музыка. Зерах лицезрел данное зрелище с шоком в глазах, перед тем, как его потянули за собой. Девять беглецов бросилась бежать в сторону леса, до которого нужно было ещё добраться, минуя поле, что вполне могло быть усеяно минами. Послышались сирены, лай собак, вперемешку со злобными выкриками, а потом выстрелы. Но останавливаться было нельзя.

Давида ранили, и двое других тащили его на себе, пока ноги едва ли не тонули в грязи, усложняя данную работу. Раздался первый раскат грома, и первые капли дождя достигли земли, но группа продолжала бежать, хотя их постепенно становилось все меньше. Многие перекрывали собой ребёнка, толкая его вперёд.

— Давай, пацан! Давай! В лесу будет безопаснее!

Кричал позади него Юрий. Оглянуться на него было ошибкой, так как он своей спиной прикрыл мальчика, словив несколько пуль.

— Юрий! — кричал Зерах. — Юрий, пожалуйста... Я один не справлюсь... А ты обязан вернуться к семье! — рыдая, мальчик тянул мужчину за руку, пока тот стоял на коленях.

— Ты всё-таки наш в глубине души...

С улыбкой произнёс Юрий, прежде чем отпустить мальчика. Тот, услышав лай собак неподалёку, бросился бежать. Он уже не видел, как собаки рвут ещё живого солдата на куски. Из девяти человек, удалось сбежать лишь одному...

Зерах лежал на земле, прижимая колени к груди. Уже холодает, и он просто не имеет понятия, как пережить эту зиму, и куда теперь идти. И зачем? Ведь каждый раз, с ним происходит что-то плохое, а люди вокруг него погибают. Если просто можно лежать здесь, ожидая голодной смерти. В конце концов, им смогут перекусить лесные обитатели. Он слишком устал, чтобы идти дальше...

Но потом он вспомнил: о своих родителях, которые так любили его, и вряд ли хотели бы видеть его смерть. Мамино кольцо ещё было с ним. И помнил он о Альфреде, который рисковал собой и предал своих лишь для того, чтобы еврейский мальчик смог сбежать. И Юрий... Юрий, которого не сломила ни одна война, ни другая. Все погибшие не должны были отдавать свои жизни впустую. Если раньше Зерах хотел стать фокусником, дабы приносить людям радость, то сейчас маленький ребёнок хотел жить. Без войны, без преследования, без смертей вокруг него. Мальчик поднялся, и, преисполненный решимостью, пошёл дальше.

Четыре месяца. Целых четыре месяца одиннадцатилетний мальчик выживал в лесу всеми возможными способами, даже приходилось убивать мелких зверушек, которых он в то время смог обнаружить. Когда он наткнулся на лагерь, устроенные солдатами, то крал у них припасы и оставлял разметки на деревьях. На всякий случай. Было невероятно сложно, но дух мальчика стал очень силён. Но эмоционально он был сломлен и подавлен.

Надо выжить. Он обязан выжить.

Зиму он проводил в берлоге медведя, которого убил с помощью камня, ударом в голову, пока тот был в спячке. Страшный голод был тому причиной или прилив адреналина, но теперь у него было достаточно мяса и тёплая шкура. Один раз он наткнулся на рельсы, но боялся по ним идти, так как они могли вести обратно в один из лагерей смерти, либо его могли обнаружить немецкие солдаты. Потому он избегал их.

С наступлением весны, Зерах продолжал свой путь либо до Берлина, к бабушке Альфреда, либо до Советов, к семье Юрия. Они обязаны знать, о их членах семьи, и что они делали для мальчика. Но вдруг он услышал шум, и спрятался в кустах, думая что это нацистские солдаты. Но услышав незнакомую, явно не немецкую речь, и увидев другую военную форму, выскочил прямо перед ними. Он напрягся, когда они от неожиданности схватили автоматы, однако потом стали их опускать, понимая, кто перед ними.

— A Child? [Ребенок?]

— What is he doing here? [Что он тут делает?]

— Judging by the clothes, there's a concentration camp nearby. [Судя по одежде, неподалеку отсюда концентрационный лагерь]

— Jeez... [Боже]

Зерах не понимал, что они говорили. Это были союзники, как он начал понимать. Американские войска.

— We need to get him to the camp. [Мы должны доставить его в лагерь]

После раздумий, заключил один из них, затем глянув на мальчика. Кажется, теперь кошмар закончился. Зерах аж разрыдался, бросившись обнимать одного из солдат, переставая тем самым держать все в себе.

Все позади. Он выжил. Он в безопасности.

Глава 6

Октябрь 1976

— Я дома!

Сообщила на входе в дом Вирджиния, пока её сожитель, он же и хозяин дома, занимающийся готовкой ужина. Неделю назад его выписали из больницы, когда поняли, что жизни больше ничего не угрожает. И сразу после этого, мужчина хотел уволиться из школы, но передумал, когда ученики, которых он вызволил, лично его отблагодарили. На данный же момент, он сидел на диване с диктофоном в руках, но быстро спрятал его, когда услышал голос невольной сожительницы.

— Надеюсь не прогуливала? Ибо завтра приду, и все равно все узнаю, — он проследовал к столу в последствии.

— Что? — опешила Вирдж, хотя и понимала, к чему он клонит.

— Мистер Уильямс решил уйти в отставку после такого потрясения. А это значит, что уже я буду полноценным учителем, — пояснил Зерах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.